

Моя маленькая Ведьма

18+

Мансуров Андрей

Андрей Арсланович Мансуров

Моя маленькая Ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69711595

SelfPub; 2023

Аннотация

Кто бы мог предположить, что использование женщинами нового, "продвинутого", косметического средства, "редактирующего" их гены, сделает их... Ведьмами! Со сверхспособностями, и невероятной ненавистью к остальным "недочеловекам"! И остальному человечеству придётся организовать сопротивление – чтоб просто не вымереть! А на острие этой непримиримой битвы – Охотники. И надо же такому случиться, что один из них влюбляется в девочку-ведьму...

Содержание

Часть 1. За Марвином	4
Рольф	4
Миерна	29
Часть 2. Рона	40
Рольф	40
Рольф	59
Дильфуза	61
Часть 3. Рольф	95
Рольф	95
Марвин	103
Миерна	110

Андрей Мансуров

Моя маленькая Ведьма

Часть 1. За Марвином

Рольф

Немыслимым пируэтом она вывернулась, оставив в моей руке только кусок чёртовой шали. Реакция у этой твари, конечно, феноменальная: я ещё руку не приподнял, а её уже и след простыл! Хотя – я готов спорить! – парализатор снаружи не заметно.

Глядя, как она несётся к напарнице, я выдохнул: разочарование скрывать от самого себя – глупо. Не получится теперь по-быстрому. Придётся по долговому.

И противному.

Да и ладно – не впервой.

Пока добежал до Бункера, под который оказалось оборудовано здание бывшего девятиэтажного дома, (догадался по неплохо сохранившейся задней части, что это был именно он) Фрейя успела хоть как-то привести в чувство малышку Паттон, и обе, «трогательно» приобняв друг друга за талию, кинулись прямо к люку – уже не пытаюсь направить меня по

ложному следу.

Разумеется, туда они добрались раньше меня: ведь у нас, охотников, нет способности летать над поверхностью.

Рассматривая крышку, захлопнутую слугами-мертвяками прямо перед моим носом, я даже поводил по ней руками. надо же! Настоящая броневая панель! Правда, не стальная, а сталюминиевая. С БТР что ли, сняли? Вон: и раскраска защитно-камуфляжная. Да и по размеру совпадает.

Ладно, особо много думать мне тут не надо: петли видно. Стало быть, замок вот здесь, а засов – вон там.

Тяжеленное противотанковое ружьё я снимал с плеча не торопясь: раз дошло дело и до него, точно придётся попотеть. А излишняя поспешность ничего мне не даст: чёртовы твари наверняка сейчас жмут во все педали к самому глубокому месту. Если глупы. (Впрочем, таких среди ведьм не водится.) Скорее, так могли бы попытаться сделать те из них, кто не имеет опыта встреч с охотником.

А эти – теперь имеют. Особенно Паттон.

Значит – несутся к подземному ходу, наверняка соединяющему эти полуразрушенные здания в единый чёртов комплекс-лабиринт. Запутанный, бессистемно вырытый, (специально!) и раскинувшийся под огромной территорией бывшего крохотного городишки и пригородов.

Но зачищать это безобразие предстоит уже, к счастью, не мне.

Щёлкаю тумблером коммуникатора.

– Внимание, первый. Здесь сорок второй.

– Слушаю вас, сорок второй.

– Нашёл вход в Бункер. Координаты... – пока незнакомый мне самому равнодушно-деловой голос диктует координаты и ориентиры у входа, тот, другой я уже вкладывает патрон в патронник.

– Вас понял, сорок второй. Высылаю вертушку с бригадой зачистки. Вы будете их ждать?

– Нет. Я полезу внутрь. Здесь сразу две твари: взрослая и подросток. Не хочу, чтоб след пропал. Если тут глубокие, или бетонированные тоннели, маячки-усилители буду оставлять каждые двести-триста метров. Конец связи.

– Вас понял, сорок второй. Конец связи.

Ну и правильно. Чего эфир зря засорять?

Ба-ба-а-а-х-х!!!

Ну и громкий же взрыв от пули из обеднённого урана!.. Особенно, когда оголовок из титана, а в хвостовой части – глицинит. Так что это уже и не пуля, а настоящий микроснаряд. Поэтому и приходится отходить шагов на пять: чтоб не зацепило осколком.

Дыру разворотило – будь здоров! Штатный запор – в хлам!

Посветил фонариком, засунул руку. Всё верно: вот он и засов. Отодвигаю.

Теперь крышку – распахнуть настежь!

Нет, за ней не прячутся. Похоже, умные. Просто бегут. От

меня.

Да оно и правильно. От нас, охотников, все, кто поумней – бегут. А уж ведьмы – и подавно. Пощады-то от нашего брата в случае чего, ждать не приходится... Вот и оставляют между собой и мной заслон. Из тех, кем можно и пожертвовать.

Пушечное мясо. Марионетки. Рабы.

Словом – мертвяки.

Спускаюсь по лестнице из простых деревянных ступеней. А-а, вот ты где, родной!

Первого мертвяка, притаившегося в немыслимой для обычного человека позе прямо за лестницей, «поделил» одним могучим ударом: катана с накладками из настоящего старинного серебра уже в руке! Мертвяк даже не понял, в чём дело: ноги остались на месте, а верхняя половина, та, где голова, опираясь на руки, ещё пытается выбраться на «оперативный простор», и укусить.

А вот оскалившуюся, словно дикий кот, голову, с одного удара не отрезать: на шее позвоночник крепок. Это внизу, там, где они быстрее стареют – то есть, гниют, попросту говоря! – отрубить куда легче. Так что пришлось поднапрячься.

Противно, да. Но тут никуда не денешься – в нашу профессию не идут те, кто предпочитает отутюженные белые халаты лаборантов, комбезы работников теплиц или ферм, спецодежду техников и механиков, ведающих машинерией Бункера. Или просто – не выносит вида крови и гноя.

Пришлось голову мертвяка выбросить наружу: детекторы запахов группы зачистки укажут мертвечину надёжней, чем любое зрение. Особенно в темноте. Особенно – в крошечной. Поскольку ни луны, ни звёзд, ни солнца никто так и не видел все эти двадцать с лишним лет. И, похоже, не увидит ещё столько же. А без них на поверхности царит почти вечная ночь. Так называемым днём превращающаяся в тёмно-серый сумрак...

Подвал девятиэтажки традиционен: по центру пробит длинный коридор, по бокам – комнатки-клетушки. Некоторые до сих пор заперты – похоже, так и остались никем невостребованными эти кладовки, когда их хозяева... Н-да.

Мимо таких я быстро прохожу, даже не давая себе труда проверить, действительно ли навесные замки заперты, или дужки только вдвинуты. Для как раз такого, детально-досконального, обследования, и существует группа зачистки: чтоб всё выискать, вычистить, и проконтролировать капитально.

Моя задача легче. И сложнее.

Поймать ведьму. И желательно – живой.

(А ещё хорошо бы и самому при этом остаться в живых!)

И передать пленницу спецконвою – неповреждённой.

Информация, которую из такой ведьмы рано или поздно вытрясут работники контрразведки, может оказаться очень полезна. Правда, пока ведьму расколешь – сведения о том, где прячутся оперативные силы и руководство Конклава, успевают устареть. Поскольку там – тоже не дураки. Сразу

передислоцируют основной контингент. И Штаб.

Из незапертой комнаты в середине здания наконец полезли. Мертвяки-самцы. Ну а как: не «мужчинами» же мне их называть?!

Шли как всегда нестройной толпой: с отрешённо-сосредоточенным выражением, вытягивая ко мне руки: кто с палкой какой, а кто и просто – с обрубками синюшных пальцев. Хорошо что эти, судя по замедленным неуверенным движениям – ровесники того, что «коварно» притаился под ступенями: ноги, особенно ступни, успели порядком подгнуть. Вот и не держат. Вернее, держать-то они тела держат, но былой силы, скорости и реакции уже нет. Мускулы превратились в желе. Точно – мертвяки со стажем.

Катана позволила мне быстро порубить их тем же манером, что и первого: напололам. Верхнюю часть чуть позже пришлось ещё и приканчивать серебряным лезвием. Да и то сказать: серебряные накладки на титановой основе держатся плохо, и в паре мест уже отслаиваются. А без них рана на теле мертвяка сразу коагулирует, лимфа-кровь почти не вытекает, и этот гад остаётся функционален. Ну, почти функционален – ползать и кусаться может долго. А никому ведь не хочется получить укус в ногу. Вот и приходится добивать сразу так, чтоб уж – с гарантией...

Нужно бы зайти снова в мастерские. Но на этих-то ребят ресурса лезвия хватило.

Последний мертвяк, отступивший при виде того, что ста-

ло с остальными, и беспомощно забившийся в угол, затряс головой: конечно, они же всё-таки бывшие люди. Понимают всё. Ну, или почти всё. И жить тоже хотят. Пусть даже и псевдо-жизнью. Я спросил:

– Хозяйка делала тебе больно?

Вот так всегда с ними. Молчит, моргает. Потом – дошло:

– Да-а...

– Очень больно?

– Да!

– Так почему ты её защищаешь?!

– Она приказала.

– А почему ты её слушаешься?

– Боюсь.

– Чего же?!

– Что... будет ещё больнее. Если не... Послушаюсь. – тут он, как и все они, съёживается в комочек. Рефлекторно хватается за голову. На лице – гримаса страдания.

Всё верно – ведьмы им «делают больно» именно там, внутри головы.

Стандартные вопросы, стандартные ответы, стандартная реакция.

Ладно, пожалеем бедолагу:

– А сейчас тебе больно?

– Нет.

– Хочешь, чтоб тебе больше никогда не было больно?

– Да. Да! ДА!!!

– Скажи, где Хозяйка, и я обещаю: боли больше не будет. Никогда.

Мертвяк не колеблется ни секунды. (Похоже, ему и правда делали очень больно, когда пытался послушаться! Наверное, был упрямый... Иногда в них, ну, в первое время, остаются некоторые черты характера от того, живого, человека.)

– В конце этого коридора есть лестница и тоннель. Ведут в подземелье Марвина.

А вот это интересно.

– А кто такой Марвин?

– Хозяин Хозяйки. Большой Хозяин. Это подземелье принадлежит ему.

– И как давно оно... Принадлежит ему?

– Не знаю. Оно... Всегда принадлежало. Ему.

– И что он тут, в своём подземелье, делал?

– Не знаю.

Тупик. Ясно, что «Хозяин Марвин» появился здесь раньше, чем он и его подчинённые ведьмы нашли и «обработали» эту группку несчастных выживших, перетащив бедолаг сюда, на явно долговременную базу.

А до этого эти «обработанные», как всегда, пытались спастись, терпеливо отсиживаясь в своей бетонированной берлоге где-то под радиоактивными руинами. Бережно растягивали запасы так, чтоб хватило подольше... И, как обычно, высылали разведчиков. И, как обычно, однажды эти разведчики привели с собой «спасателей».

«Экспедицию от Красного Креста», как всегда представляются эти твари. Недаром же они всегда-всегда-всегда одеты в белые халаты, и маски. И медицинские шапочки с красными крестами.

Подло, но действенно.

Ладно. Не думаю, конечно, что Марвин – один из членов Конклава, но поработать над этим вопросом можно и позже. Пока же нужно выполнить обещание.

– Встань!

Мертвяк слушается.

Удар сверху рассёк его голову на две аккуратные половины. Не успели они начать распадаться, как поперечным ударом я довёл число кусков головы до четырёх. С противным шлепком то, что оставалось в черепе, грохнулось в пыль затхлого коридора.

Гарантия: теперь этот бедолага страдать не будет.

Мерзко, да. Но – никому ещё не удалось вернуть таких «зомби» к жизни.

В смысле – не той псевдожизни, которую даёт укусы ведьмы, а к человеческой.

Жёлто-горчичный цвет мозга уж слишком напоминает самое обычное д...мо. Но вот так уж оно происходит: после укуса ведьмы человек теряет не только разум, память, жизнь, волю, но и цвет мозга. А питаться такие мертвяки отлично могут и друг другом. А ведьмы и Конклав – ими.

Что они и делают, пока полностью не «выедят» такую ко-

лонию рабов.

И что особенно злит – начинают всегда с женщин и детей. Как наиболее слабых и бесполезных для рытья их чёртовых подземелий... И защиты «Хозяев».

К концу коридора подхожу во всеоружии: в одной руке ружьё, в другой – парализатор. Но почему-то никакого люка, или двери тут нет.

Странно. «Мертвяки-зомби» не врут. (Не хватает ума.) Или...

А-а, вот в чём дело... А хитро! Дверь в «подземелье Марвина» скрыта в одной из комнатёнок, причём – за завалом из битого кирпича: сразу и не заметишь!

– Внимание, первый. Здесь сорок второй.

– Это первый. Слушаю вас, сорок второй. – голос куда слабее, и потрескивает: бетон частично экранирует сигнал, несмотря на брошенный мной у входа первый промежуточный усилитель-маячок. Поэтому достаю, включаю и бросаю на пол, в толстый слой пыли, покрывающей здесь всё, второй промежуточный.

– Только что получил любопытную информацию. – рассказываю про «Марвина», и «его» подземелье.

– Вас понял. Высылаю вторую и третью группы.

– Возможно, понадобится и поддержка с воздуха.

– Да, запрос принят. Высылаю раптор.

Порядок. Теперь над районом будет барражировать беспилотник с мощным термолокатором и датчиками движе-

ния. Готовый по приказу, или самостоятельно, пальнуть чертовски мощной ракетой с ньюнапалмом по подозрительным «объектам», не отвечающим на стандартные позывные, и не помеченным жучком «свой».

Крышка подземелья, разумеется, заперта. И, разумеется, открыть её не сложнее, чем первую. Ба-ба-а-х-х!.. Перезарядить. Откинуть.

Сюрприз!

За крышкой – авторобот. С гранатомётом.

Вот хорошо, что ружьё с бронебойным в руках: всадил этому гаду прямо между глаз! То есть, туда, где у автороботов-охранников помещают процессор: в бронированный лоб. Это мне повезло. Робот старого образца: вначале должен увидеть цель, а уж потом стрелять!

(А как меня увидишь, если я в адаптивном камуфляже. А сверху ещё всегда на всякий случай накидываю «трофейную» шаль. Она и от любых сенсоров-детекторов защищает, и позволяет ведьмам хотя бы издали принять меня за одну из своих.)

Клешни с оружием брякнулись вдоль корпуса, РПГ выпал. Хорошо, что боезапас от такого обращения не детонирует. Через секунду на гранатомёт шмякнулся и сам робот: это и сигнал, отвечающий за поддержание равновесия пропал, да и я постарался: мало ли! Ещё включится какой запасной процессор. А вот с перерубленными «ногами» и «руками» за мной не полезешь! И сопротивления ребятам, идущим

щим там, сзади, – не окажешь.

Снова спрятав катану за спину, я не торопясь осмотрел шахту. В такие места лучше не соваться, не осмотревшись как следует: они могут быть начинены ловушками, и даже минами. Не говоря уж про мороки и ОВ.

Ага, вниз ведут бетонированные ступеньки. Кончаются через пятьдесят, или около того, шагов, площадкой. Значит, там – поворот, и лестница, скорее всего, ведёт глубже.

Отодвигаю в сторону обломки несчастного робота. (Вот к ним, бедолагам запрограммированным, я никогда не испытываю ненависти, или, там, злости. Они ведь просто делают свою работу. Для которой их и создали когда-то чёртовы учёные ВПК.) Бросаю вниз очередной усилитель-маячок. Начинаю спуск. А вот и первая ловушка!

Можно подумать, я такой debil, и полезу вниз без фильтров в ноздрах. Но против цианопрена они – не лучшая защита. Приходится выдохнуть, и воткнуть в рот загубник противогаса. Ну, вернее, это я называю его противогазом – по старой памяти. А так – приборчик, похожий на мыльницу. С одной стороны дырочки, с другой – удобный для держания во рту мундштук. И не весит эта штука практически ничего. Ещё бы: создавал всё тот же ВПК!

Через пятьдесят три ступеньки воспользовался сканнером: нет, за поворотом никто не притаился. Продолжаю спуск.

А это что?

А, это – первый морок. Мне их всегда выдаёт поле, мерцающее вокруг псевдоплоти. Поэтому сквозь мираж жутко сердитого на вид саблезубого тигра я просто прохожу насквозь. И не таких видали!..

Ещё через сорок одну ступеньку спуск кончился. И здесь, разумеется, тоже есть броневая дверь. Достая Проводник, вожу по ступеням. Всё верно: мои голубки пролетали здесь: инверсионный след из ионизированного кислорода имеется.

В дверь вынужден был стрелять четыре раза: засовы у неё – по два на сторону. И открывается, зар-раза такая, только наружу. Пришлось уронить её на лестничную площадку, да отбиваться от попёрших крысопауков.

Впрочем нет, не отбиваться: на что мне парализатор?! Вот именно: я просто водил рукой из стороны в сторону, а хитинисто-волосатые твари укладывались к моим ногам буквально штабелями!

Когда они закончились, я подивился: надо же. Крысопауков сложно содержать: нужно и кормить чем-то, (Хотя бы – тем же мясом мертвяков!) и поить, и не позволять драться между собой. А тут их...

Видать, очень ценны этому самому Марвину мои две подруги: штабели оказались чуть не по колено!

Впрочем, скорее всего дело не в подругах. Всё указывает на то, что сам Марвин – крупная фигура в нашей чёртовой игре. Игре за эту планету. И, значит, тем сильнее моё желание познакомиться, так сказать, лично!

Выдвигаюсь.

Надеюсь, до подхода группы зачистки крысопауки не очухаются: парализатор отрубает такую мелочь часа на два. С другой стороны, эти паршивцы исследованы нашими экспертами достаточно хорошо. Так что противеньких монстриков идущие за мной бойцы скорее всего просто пожгут тем же неонапалмом в отвратительно воняющие, и похрустывающие под ногами, угольки...

«Подземелье Марвина» масштабом не поразило: входной коридор всего два метра в высоту, и метр – в ширину. Только-только разойтись двоим. Стены даже не бетонированы толком: так, тонкий слой торкред-цемента. Даже без арматуры. Отлично. Для меня. Значит, сигнал должен проходить:

– Первый, здесь сорок второй.

– Слушаю вас, сорок второй. – странно. Голос еле слышно. А здесь (насколько вижу) ни плёнки, ни отражателей, ни ещё каких экранирующих наворотов, нет: цемент, земля. Что же экранирует, забивает, или глушит сигнал?!

– Слышу вас очень плохо, первый. – сам стараюсь говорить чётче, и по мере возможности – громче, – Вероятно, понадобятся эксперты-связисты. Бетон тонкий, а сигнал очень слабый. Похоже, твари изобрели какие-то новые способы экранировки. Или какие глушилки от радиоволн... Докладываю обстановку. Я в коридоре. Идёт на северо-восток. Конца не видно. Так что, возможно, запасные выходы ока-

жутся далеко за чертой города.

– Вас понял, сорок второй. – голос стал погромче. Вероятно, включили фильтр, и резервный усилитель диспетчерской. – Сейчас прикажу расширить зону охвата.

– До связи.

– До связи.

Не очень-то информативно. Зато приятно. Чувствовать, что кто-то за тобой присматривает, и в случае чего – пришлёт. Если не подмогу, так хотя бы бригаду реанимации...

Раньше-то было проще: когда каждого охотника оснащали ещё и видеокамерой, и дежурная бригада диспетчеров просто видела то же, что и мы. Но потом оказалось, что охотник, направляемый и «управляемый» командами начальства, действует медленней. И реагирует не всегда адекватно обстановке, и тому, что подсказывает боевой инстинкт. А когда имеешь дело с ведьмами и их прихвостнями – мертвяками, инкубами, и прочей боевой живностью, значение имеет буквально каждая доля секунды!..

Тогда от контроля и попыток что-то нам навязать, отказались.

Да и без камеры на плече – куда удобней. Как и без назойливого советчика-оператора в ухе.

Жаль только, что для того, чтоб понять и выяснить всё это, пришлось потерять шесть хороших парней...

Коридор на удивление прям, и тянется вдаль, действительно, насколько я могу разглядеть чёртовым ночным гла-

зом, на добрый километр.

Странно. Как-то это – не в традициях ведьм. Обычно в их подземельях всё время нужно куда-то сворачивать, спускаться-подниматься по осклизлым ступеням или пандусам, пригибаться в низких местах, а кое-где и корячиться на четвереньках... И постоянно петлять. Так они делают, чтоб человек, впервые попавший в такие катакомбы-лабиринт, терялся, и не мог быстро сориентироваться.

Ну, или вовремя среагировать на угрозу.

С другой стороны – они теперь умные. Тот огромный объём грунта, который выгребают из таких катакомб мертвяки-рабочие, больше не выдаёт подземелий: всю почву высыпают или в старые карьеры, или в большие реки. И вода её уносит. Вот такое стопроцентное заметание следов.

Одного только ведьмы преодолеть или исправить не могут: обычно через несколько лет такое подземелье, если не наладить систематическую откачку воды, оказывается затоплено грунтовыми водами.

А если наладить – рано или поздно как раз это и выдаст лабиринт.

Вот такой внезапный ночной выброс дренажных потоков, текущих даже без специального замаскированного русла, беспилотник обнаружил и здесь.

О-о! Слева! Этот морок – просто изображает кусок стены коридора. А за ним...

За ним-то и начинается настоящее подземелье ведьм. Ух

ты!..

Однако насладиться открывшимся зрелищем не удаётся: какая-то мелкая хрень вроде москита влетает мне в окуляр ночного глаза! Хорошо, что он пластосиликоновый, и боли не чувствует. Да и повредить его поверхность можно только алмазным резцом. Но поле-то зрения – закрыто чёрным тельцем! И не одним: мошек поналетело – будь здоров! Нюх у них, что ли, на мой искусственный глаз?! Или – что вероятней! – на силикон.

Пришлось снова включить парализатор.

И ни фига это не помогло.

А вот это – действительно странно! Значит, мошки-то – не живые!

Роботы?!

Щёлкаю тумблером ЭМИ. Теперь всё механоидно-электронное в радиусе пятидесяти шагов – «сдохнет»! Кроме, конечно, моего опознавателя «свой-чужой», и оптоусилителей ночного глаза: они экранированы надёжно, и питаются биотоками прямо от мозга.

Твари попадали – значит, и правда микророботы. Но сообщать сейчас о них первому – поставить под угрозу свою жизнь! Потому что со всех сторон уже прут, как наскипидаренные, чёртовы мертвяки и собаки: мошки им, что ли, передали, что я здесь?!

Отмахиваюсь, как могу, отбросив парализатор прямо за спину: против мертвяков ни он, ни генератор ЭМИ не по-

могут: псевдожизнь, мать её!.. Собачки же – просто призраки-мороки. Хотя их задача, скорее, просто отвлекать внимание охотника от по-настоящему серьёзных угроз.

А вот и первая: тролль! Пещерный. Нет, не такой, как описывал великий Толкиен, а нормальный. То есть – восьминогий механоид-медведь. Охранник. Персональный Теплохранитель особ, приближённых, как говорится, к Большому Боссу. Встречал до этого всего один раз – когда Людвиг завалил Второго Секретаря Конклава.

Ну, как встречал: правильнее сказать – видел. И не самого тролля, а его расчленённые, но всё равно ещё подёргивающиеся в тщетных попытках выполнить Основную функцию, останки...

Приступами бессмысленной безудержной храбрости я не страдаю.

Поэтому бегом – обратно в коридор, прижаться к стене, и метнуть в отверстие гранату!..

Открываю рот, но всё равно: от чёртова взрыва в тесном пространстве запросто можно лишиться барабанных перепонок. Настоящих. А у меня уже лет семь как – искусственные. «Природных» лишился при нейтрализации своей второй ведьмы.

Ладно: плевать. Хоть жив тогда остался.

Открываю глаза, закрываю рот. Всё нормально: световой шар уже потух. Вперёд!

Мертвяки лежат. Но меня так не обманешь: я знаю, что че-

рез пару минут, когда шок от звуковой волны, поражающей из слух и вестибулярный аппарат, пройдёт, они «воспрянут» из мёртвых. Хотя чего я мелю ерунду: они и так мёртвые.

Вот чтобы они стали совсем уж мёртвыми, я, проходя мимо, отрезаю каждому голову. Уже – виброножом: так и надёжней и быстрее. Жаль, что лезвие сделать длиннее ладони не удаётся: а то я и от катаны бы в пользу такого оружия отказался!

Мертвяков насчитал двадцать семь: похоже, действительно, напал на солидное и старое логово!

Троль ослеплён, но всё ещё опасен: добиваю ЭМИ (Это – для процессора!) и катаной – вонзаю и пару раз проворачиваю в том месте, где у этого чудовища мозг.

– Первый. В коридоре, слева, сто три шага от лестницы – морок стены, и настоящее подземелье – за ним. Похоже, тут у них важная база. Имею, вернее, уже не имею, по крайней мере одного тролля.

– Понял тебя, сорок второй. У нас проблема. Группа зачистки задержалась, и только-только подходит к люку в подвале. На них напала группа арьергарда – ещё около сорока мертвяков. Как мы предполагаем, их оставили взаперти в двух подвальных комнатках специально: чтобы задержать подход группы к тебе. Первый...

– Да?

– Поосторожней. Наличие засады показывает, что они на самом деле – готовились. Может, подземелье – ловушка?

– Понял вас, первый. – мне, собственно, плевать. Ловушка – так ловушка. Только им же хуже будет, – Но ждать подкрепления не буду: боюсь, «Марвин» уйдёт.

– Вас понял, сорок второй. Действуйте, как считаете нужным. Только никуда никто не уйдёт: здесь уже развёрнут батальон спецназа: вызвали из соседней Общины. Оцепление города в радиусе до пяти километров. Плюс три раптора.

– Отлично. Конец связи. – мне так и так пришлось бы закончить разговор, поскольку он всё равно отвлекает от интенсивного «футбола» и махания руками с катаной и парализатором: нападают ежихи. Этих тварей убивать посложней, чем мертвяков: их иголки – из титанобора, и псевдокожа – кевлар! Выход только один: откидывать пинками бронированных полусапог и ударами катаны – от себя подальше! Желательно – так, чтоб от души приложились о стену. И хотя бы секунду держать каждое такое оглушённое тело под лучом парализатора: чтоб пробиться через экранировку.

Тогда мозг ежихи, надёжно упрятанный под слоями псевдоплоти и защитных пластин, отрубается. Кстати, наши учёные до сих пор не выяснили, почему Конклав предпочитает мозги ежих – мозгам всех остальных выживших подземных обитателей. Типа, хотя бы, тех же кротов. Или крыс. Может, потому, что ежихи отличаются безудержной, если её можно так назвать, храбростью? Особенно, если, как предполагают наши учёные, бедняжкам удалось внушить, что они защищают свой выводок...

Добивать тварюшек негуманно, но – надо. Мне, повторяю, вовсе ни к чему, чтоб в, возможно, самый ответственный момент, на меня напали с тыла. А ежихи – крайне опасны: одного укола смазанной курарином иглы достаточно, чтоб полностью парализовать даже самого здорового человека. На час.

Хорошо, что перчатки боекомплекта – тоже из кевлара. Достаяю, надеваю. Работая плазменным резакom и виброножом, я вскрыл все эти «футбольные мячи», и располовинил мозги бедолаг. Да, с виду они сильно напоминают тех же ежей, только морских. Почти шары. С четырьмя манипуляторами-ногами. Титановыми, разумеется. И крохотным, с орех, содержимым черепной коробки. Биоробота-ежиху по-настоящему опасной делают не титановые ноги-манипуляторы. И даже не ядовитые иглы. А именно вот это: крошечный живой мозг.

Сожалея в который раз, что плазменная горелка-резак, как и вибронож, не берёт на дистанции дальше ладони, я иду дальше.

После «прихожей» начинается традиционный лабиринт: чёртово месиво коридорчиков-закоулков-шахт-чуланчиков-ям-ступеней... Не ведьмы, и их боссы, разумеется, всё это роют, укрепляют и – главное! – содержат в рабочем состоянии.

А мертвяки. И проходческие роботы. Которых, к сожалению, в распоряжении Конклава – сотни. Не повезло когда-то нашим: Конклав успел расхитить базу крупнейшей нефте- и

угледобывающей компании.

Однако комбайны, после того, как выполняют основную работу, куда-то эвакуируют. Вероятно, для рытья следующих катакомб: слишком ценное хозяйство, чтоб оставлять нам в качестве трофеев.

Это я понять могу. Чем больше вот таких как эта, баз, хозяева ведьм нароют – тем больше шансы уцелеть. Членам Конклава. (До сих пор не понимаю, как им удалось в своё время убедить ведьм сохранить им жизнь. И более того: поставить их, живых, – руководить собой. Хотя нет – теперь-то мы все отлично понимаем: по части разработки новых стратегий этим лампасно-звёздным гадам из бывшего Штаба НАТО, и правда – равных нет! Плохо только, что разрабатывают они их – против нас.) И жить они хотят ничуть не меньше, чем мы, сохранившиеся «нормальные».

Люди.

С дугой стороны, нашим, людским, Общинам неплохо живётся в тех Убежищах, что удалось обнаружить, и «зачистить». И, разумеется, переоборудовать.

В очередном коридорчике слышу странные звуки: больше всего похоже на плачь.

Ребёнок?!

Вряд ли – никогда настоящих детей в катакомбах ведьм не встречал. Да и не только я – никто не встречал. Дети – это нечто почти божественное. Благополучные роды и здоровый ребёнок в каждой людской Общине – буквально Дар Небес!..

Самое дорогое. И спрятанное в самом глубоком и охраняемом месте. У нас.

И самое «быстрорасходуемое» – у ведьм: детей, как совершенно бесполезных, съедают в первую очередь.

Так что слышать детский плач странно: новый способ отвлечения?! Или...

Посветил в сторону звука ультрапрожектором: коридорчик проложен прямо в сырой осклизлой земле. Не облицован: полно дыр от личинок и всяких жуков. Размер – только-только проползти. И круглый. Служебный, значит. И звук точно идёт оттуда.

А грамотно: если враг – человек, а не машина, проще всего попробовать заманить его в ловушку именно детским плачем. А чем же ещё?!

Всё остальное эти хитро...опые твари, кажется, уже использовали!..

Я, конечно, не совсем идиот: вначале не меньше минуты исследую сканнерами всё окружающее пространство. Не хотелось бы оказаться заблокированным в такой крысячей норе. (Как, собственно, и нигде!)

Практически чисто: ни механоидов, ни существ из плоти. (Что само по себе странно!) Но вот впереди – да, есть сигнал. Одиночный. Маленький. Кто-то, выделяющий тепло. Правда, тепла – маловато.

Э-э, чего я ерундой маюсь: как раз соответствует ребёнку весом до двадцати кэгэ.

Подползаю, двигаясь максимально бесшумно, и ругаясь мысленно.

Ох ты!..

В яме глубиной в пару моих ростов – маленькая девочка. Настоящая. Сидит, скорчившись в крохотный комочек. Её колотит дрожь: то ли шок, то ли – просто от холода.

Не такой я раззява, чтоб сразу, вот так, купиться. Работаю сканнерами ещё раз, слушаю, нюхаю, смотрю. Нет, никого! И под ней – не заминировано...

Ладно, попробуем:

– Эй! Ты в порядке?

Какое там – в порядке. Молчит, уткнувшись лицом в согнутые колени. Но рыдать перестала. Вроде как прислушивается.

– Я здесь, наверху. Не бойся – я охотник.

Длинная пауза. Начинаю опасаться, что девочка – жертва каких-то чудовищных экспериментов. Немая. Вдруг слышу тоненький приглушённый голосок:

– Охот...ник?... – медленно-медленно, словно не веря услышанному, спутанная кошма серо-пепельных волос начинает подниматься. И вот уже на меня глядят два синих-пресиних фонарика: глаза. Блестящие в изображении с моего ночного глаза – словно сапфиры!

Меня будто бритвой по сердцу резануло: такие пронзительные!..

А ручонки-то: чисто – тростиночки! С потёками-развода-

ми от слёз на грязи, которой она вся словно обмазана. Узенькие босые ступни. Остренькие коленочки – со ссадинами, покрытыми струпьями засохшей крови. Из всей одежды – только трусики...

Какой же изверг её сюда!..

Пришлось сглотнуть, чтоб продолжить:

– Да, я охотник. Меня зовут Рольф. А ты кто?

Она смотрит. Гос-споди, до чего трудно выносить её взгляд! В нём столько...

Всего.

Но вот после ещё одной долгой паузы:

– Я – Миерна.

– Отлично, Миерна. – как бы отвлечь её от шока и холода... Нужно что-то банальное, привычное. Но и – неожиданное в такой ситуации, – Есть хочешь?

Вот – порядок! В ещё больше расширившихся – как только такое возможно! – глазах появилось выражение осознания, а затем и – желания.

– Есть?.. Д-да, хочу!

– Тогда вставай, и давай руку!

Миерна

– Нет. И все наши анализы однозначно показывают: она – самый обычный ребёнок. Может, немного истощённый, и невысокий для своих пяти лет. Перепуганный и одинокий. Но – абсолютно нормальный. Все рефлексy в норме. И психические тесты тоже указывают на... Ну, неважно. Я бы даже сказал, что вот именно это – то, что она нормальна! – и вызывает у нас самые большие подозрения.

Майор Андерс Стерлинг поторопился вернуть невольнo нахмурившиеся брови на место. Погладил тщательно выбритый подбородок оставшимися пальцами правой, своей, руки. Снова обратил глаза к листам бумаги и рентгеновским снимкам, которые держал в протезе левой. В голосе прозвучало плохо скрытое раздражение:

– Да тут не то, что – подозрения, доктор! Страх! Даже меня, простите, матёрого служаку, *жутко* пугает тот факт, что в нечеловеческих условиях эта девочка сохранила рассудок и... Вы говорите – она только истощена? Никаких заболеваний?

Доктор Ханс Ханссен снова бросил короткий взгляд сквозь бронированное односторонне прозрачное стекло в камеру. Поднял лицо к собеседнику:

– Никаких. Даже столь распространённой сейчас дисфункции почек, или банального гриппа Юровского. Ни-че-

го! Обследуем пятый день. Некоторые анализы делали по три раза – не могли поверить результатам! Она даже общается так, как должна общаться маленькая девочка, испуганная вначале, а затем – привыкшая к незнакомой обстановке. И это тоже наводит на определённые мысли.

– Думаете, она – специально обработанный агент? Подброшенный нам для... Втирания в доверие? И – какой-нибудь диверсии? Или сбора разведанных?

– Что ж, можно это и так сформулировать... Однако, майор, поскольку именно вы у нас, – доктор выделил слово «вы», – отвечаете за внутреннюю безопасность, вам, как говорится, и карты в руки. Наше дело – выявить и сообщить всю информацию по её результатам. Ваше – решить, представляет ли она для нас угрозу. И – выпускать ли её из бокса.

Майор тоже глянул внутрь этого самого лабораторного бокса. Собственно, они стояли здесь, у контрольного стекла-зеркала уже минут пятнадцать, просматривая результаты анализов и тестов девочки. И уже успели три или четыре раза повторить почти одни и те же реплики этого странного диалога. Почти в той же последовательности.

И майор и доктор сомневались во всём. В первую очередь вызывало подозрение, естественно, именно отсутствие аномалий в организме и психике ребёнка: доктор, тоже не без раздражения, констатировал, что «таких нормальных детей у нас самих не рождается. У каждого – да, есть, какая-никакая, а – патология. От рождения. Ну, или развившаяся уже

здесь, в подземельях. От, как раз, – подземелий. Или питания».

Взгляду майора представляла чистая белая комната пять на пять шагов, с матово-белым плафоном на потолке. В одном углу – стандартная кровать из ДСП, обшитого пластиком, в другом – столик и стульчик. В боковой стене дверь: ванна и туалет. В центре комнаты, и во всех углах – беспорядочно разбросанные игрушки: куклы – пластиковые и «мягкие», мячики, домики, книги комиксов, кубики, детальки лего...

– Кстати, доктор, вы обратили внимание, что она играет больше не в куклы, а как раз – в кубики и лего? Насколько это характерно для... Девочки?

– Совсем не характерно. Впрочем, это, вероятно, можно объяснить тем, что там, где её держали... Или воспитывали до того, как она попала в подземелье Марвина, кукол не было. И она ещё не привыкла к таким игрушкам. Да и показать, что и как с ними делать – некому.

– Ваша правда, доктор. Но всё равно: я запрещаю пока женскому персоналу заходить туда. Кто знает – может, она как раз этого и ждёт? Чтобы как-то воздействовать именно на... Женщин?

– Некоторые ваши «сверхпроницательные» подозрения, господин майор, иногда напоминают мне, вы уж извините, банальную паранойю. Это – дитя! Ребёнок! Ну *как бы* она могла воздействовать на организм взрослой, сформировавшейся, женщины?!

– Как?! Этого и я пока не знаю. Более того: именно от *вашей* группы я жду таких сведений. Вам нужен подопытный, чтоб это узнать? Берите кого-нибудь из... Морпехов. Я хочу выяснить точно: какие в ней есть... Скрытые способности!

Но! Пусть она, так сказать, будет изолирована от остальных наших. Людей. Именно потому, что я, как вы выразились, параноик, девочка остаётся и останется здесь. Пока...

– Да – пока – что?!

– Пока я не решу, что её возможная, вложенная кем-то боевая программа, не нейтрализована. Или хотя бы – не забыта. Надёжно.

– Чёрт вас задери, майор! Что за чушь вы несёте?! Какая на ..., «боевая программа»?! – всегда выдержанного доктора наконец прорвало, и он не столько говорил, сколько шипел, – Девочке – пять лет! Вы что, всерьёз считаете, что это – биоробот-убийца?! «Новое оружие», разработанное противником?! Да ведь противник – нежить, у которой мозги разлагаются с течением времени точно так же, как тает лёд под лучами солнца! Что *такого* они могут придумать, чего мы не смогли бы обнаружить нашими приборами?!

А девочка – страдает! И от шока смены обстановки, и от отсутствия общения. С матерью. С подругами-ровесницами. Просто – с людьми, наконец! Одиночество наносит – возможно, прямо сейчас! – непоправимый ущерб её психике! Который ни вы, ни я адекватно оценить не в состоянии! Вы что – хотите, чтоб она превратилась в закомплексованную

«маугли»?!. А если она, как вы предлагаете, будет общаться только с морпехом – так и вырастет... Солдафоном-убийцей!

Майор не отвечал довольно долго, продолжая наблюдать, как там, за стеклом, чисто вымытая и одетая в аккуратный светло-зелёный комбез девочка терпеливо громоздит разноцветные пластиковые кубы друг на друга: сложное здание с портиками и арками достигало уже высоты столика. Не глянув на доктора, начальник безопасности наконец произнёс:

– Основной противник – и правда: безмозглая нежить. Но вот его руководство... Профессионалы.

Пусть и постаревшие, и ограниченные в возможностях, но – профессионалы.

Режим полного карантина. Ещё на пять дней.

В приёмной майора уже ожидал Рольф:

– Здравия желаю, сэр!

– Здравия желаю. Прошу, капитан, – майор, кивнув Рольфу и лейтенанту-секретарю, отпер дверь, пропуская Рольфа вперёд.

В тесной клетушке кабинета из «излишеств» только и имелось, что картина с горным пейзажем на стене напротив кресла майора. Всё остальное – собственность Армии. Казённая.

– Присаживайтесь. – майор, пройдя за стол, указал целой рукой на ближайший к себе стул. Капитан сел.

Глядя на пейзаж, майор подумал, что человек рядом с ним

куда как более выдержан и спокоен. Или так происходит потому, что он – охотник? Член, если можно так сказать про этот клан независимых непримиримых фанатиков, – клуба профессиональных убийц. Но почему же...

Вот именно для того, чтоб выяснить это, он и позвал его.

– Рольф. Вы, безусловно уже догадались, для чего я вас пригласил.

– Разумеется, господин майор, сэр.

– Прошу: докладывайте.

– Есть, сэр. Собственно, докладывать практически нечего – я всё изложил в Рапорте.

– Да, знаю. Я перечитал его три раза. Но... Я хочу знать о том, что в чёртову официальную бумажку не вошло!

О ваших подсознательных подозрениях. Сомнениях. Ну, словом, о том, что говорил тогда... И, возможно, и сейчас говорит – ваш инстинкт.

Потому что вы – охотник. Это у *вас* – смутные у обычных, – майор дёрнул плечом, – людей предупреждения подсознания отточены до состояния боевого инструмента.

Оружия.

– Да, сэр. Есть, рассказать о... подозрениях. – Рольф словно замялся на долю секунды. Затем привычка чётко формулировать в конкретную форму даже неопределённые сомнения, опасения, и обрывки мыслей, взяла верх, плечи чуть откинулись назад, желваки на скулах заходили, – Девочку я с самого начала, буквально в первую же секунду, как увидел,

посчитал подсадной уткой. Позже это ощущение прошло.

Нет, не так: не прошло. Оно просто притупилось. Но не исчезло до конца. Думаю, именно так это и задумывали эти гады... – майор отметил, как оба огромных кулака, которые охотник положил на стол перед собой, сжались. Да так, что выступили сухожилия – словно стальные канаты! – И я до сих пор считаю, что Миерна – хитро замаскированный засланный к нам вражеский агент. Может, она и сама этого не знает, но...

Думаю, при определённых обстоятельствах, когда поступит какой-нибудь внешний сигнал, или сработает какой-то внутренний условный рефлекс, её боевая программа придёт в действие! И тогда...

Нам всем – каюк!

Майор молча покивал. Приятно осознавать, что не только у него здесь паранойя. Или это – просто обострённая жутчайшими условиями передовой, осторожность. Не позволяющая расслабиться и пропустить удар!

Рольф, выдохнув, и разжав кулаки, уже куда спокойней продолжил:

– Конечно, так я считал тогда. Пока держал её за руку. При... контакте ощущение внутреннего беспокойства куда сильнее! А вот когда она на расстоянии, это чувство словно уменьшается, но до конца не... Ну, будто оса зудит. Или как, скажем, жужжит кондиционер здесь у вас. Тихо, но – вибрация воздуха и пола – ощутима!

– Значит, вы считаете, что она для нас опасна?

– Да. Но... Это может ничего и не значить – то, что я считаю... Ведь, повторю ещё раз – она может и сама не знать, что ей предстоит сделать. И когда. Может, в техногенных игрушках мы и превосходим наших врагов. Чисто, так сказать, «материально». Но вот в управлении, программировании психики – вряд ли. Особенно – психики ребёнка.

– Но ведь раньше такого не бывало никогда! Чтоб, поймав выжившую девочку, наши противники оставили её в... Неукушенном состоянии!

– Откуда мы можем это знать? – в голосе капитана, явно тоже мучившегося этим вопросом все прошедшие пять суток, прорезалась горечь, – Может, нам до этого просто не встречалось тех, кто из *таких* детей прошёл бы всю их «программу подготовки» до конца?! Я имею в виду, не встречалось – оставшихся в живых. И – сохранивших трезвый рассудок. Ведь ведьмы пленных жалеть точно не собираются.

– Согласен. – майор кивнул, – Выживших детей не встречалось. И вот ещё что. Я считаю, что раз уж противник добился, наконец, явно – нужного ему результата, и подбросил нам эту... девочку, нам нужно быть особенно бдительными. И не поддаваться эмоциям. Потому что уж слишком напрашивается этот «коварный» приём: подбросить нам, людям, со всеми нашими представлениями о порядочности и чадолюбии, «гуманным и сентиментальным», беззащитное, беспомощное дитя.

И ждать, что мы, проверив его, и ничего не выявив, отметим свои естественные подозрения, и выпустим её свободно общаться со сверстниками. И членами Общины.

Рольф подкатил глаза к потолку. Но предпочёл промолчать.

Майор побарабанил по столешнице сегментами искусственных пальцев. Встал:

– Благодарю, капитан. И не смею задерживать.

Когда за капитаном закрылась дверь, майор щёлкнул тумблером раритетного селектора на столе:

– Моего заместителя, начальников подразделений, начальника группы зачистки, и Колгрейва. Словом, всех тех, кто участвовал в последнем совещании.

Когда все перездоровались, и расселись вокруг стола, майор сказал:

– У нас сегодня не совсем обычное совещание. Прошу не удивляться некоторым моим вопросам, а просто *честно* отвечать. Прошу поднять руки тех, кто считает спасённую нами девочку, Миерну, посланную к нам вражеским законспирированным агентом.

Руки подняли все шесть офицеров. Майор сделал жест, разрешающий опустить руки. На секунду прикрыл воспалённые от недосыпания глаза. Вновь открыл их. Привычно потёр подбородок пальцами:

– Капитан Валленштайн. Прошу вас обосновать вашу по-

зицию.

Перед тем, как ответить, пожилой мужчина провёл ладонью по лысому, словно колено, черепу: утёр выступившую испарину без помощи носового платка. Хотя майор отлично знал, что платок в кармане кителя аккуратного капитана имеется:

– Господин майор, сэр. Если позволите, мои подозрения сформировались конкретно только под влиянием единственного факта: мы там, в подземелье, больше никого не поймали. Хотя мы отлично знаем, что тут, на этой явно старой базе, контингент врага имелся. Получилось как бы... Как если бы противник, выполнив основную задачу, отступил на заранее подготовленные позиции, через существующий, но до сих пор не обнаруженный нами, аварийный выход – чтоб избежать уже ненужных потерь.

И ведь мы даже не знаем, куда и как он отступил: обыски лабиринта ничего не дали! Входы в запасное подземелье, или в коридоры эвакуации – не обнаружены до сих пор! Хотя мы даже запускали внутрь наших собак. Ну, то есть – привезенных из Общины Ракоци.

Поэтому я и считаю, что «обнаружение и спасение» нами девочки – хитро и тщательно спланированная акция. Вероятней всего девочка – подсознательно запрограммированный агент, и её программа вступит в действие, когда... Для этого создадутся условия!

Майор посопел. Приятно, конечно, что у него и его под-

чинённых мысль развивается как бы параллельно, но...

Но это и является их, живых людей, слабой стороной!

Потому что о стереотипах мышления отлично известно и противнику!

– Капитан Колгрейв. Прошу вас.

– Да, сэр. Мне лично кажется особенно подозрительным то, что здесь, в предгорьях бывшей Молдовы, вообще было построено столь большое Убежище. Ведь противник не может не понимать, что чем дальше на восток – тем меньше шансов обнаружить выживших: территорию России утюжили, так сказать, особенно...

Майор отметил, что ещё два офицера кивают и переглядываются.

Что ж. Снова приятно. Что и они мыслят в том же направлении.

Значит, будем надеяться, что – с паранойей там, или без неё, Общине их аванпоста удастся избежать происков врага, постоянно разрабатывающего новые «коварные тактики и стратегии».

И выжить.

Часть 2. Рона

Рольф

Я сразу понял, что нужно остановиться.

Да и вообще: у меня никогда раньше такого не было, чтоб в голове звучал чей-то голос! Причём – не в наушниках или ушах, а – в мозгу!

– Кто это здесь? – спрашиваю вслух. Правда, шёпотом.

– Не разговаривай вслух. Говори просто про себя – но отчётливо. Я-то отлично тебя слышу, Рольф. Это Миерна.

– Привет, Миерна. Слышу тебя хорошо. Ты что-то хотела?

– Да. Предупредить тебя, чтоб ты *туда* не совался. Поэтому и закричала: «Стой!»

– А... Почему я не должен туда соваться? – над странностью того факта, что мы с фактической пленницей дока Ханссена общаемся телепатически, можно задумываться и после миссии. А пока – лучше прислушаться к тому, что посоветует та, что изучала это место и нашего врага явно долго. И, что называется – вплотную!

– Хотя бы потому, что тебя ждут не живые существа, и не мертвяки – их ты смог бы обнаружить сам, или с помощью ска... Дет... Словом, твоих приборов.

– Да? А что тогда?

– Ловушка. Простая. Работающая от нажатия. Это – яма в полу. Глубокая. На дне – острые гарпуны. Из кости.

– Хм-м... Да, наверное такую я бы не... Спасибо. И... Сколько до неё?

– Сорок два шага.

– Отлично. Спасибо ещё раз. А как ты узнала, что я... Здесь? И что – подхожу к ловушке?

– Это просто. Мне это показывает Мьюриэлл.

– О-о! Значит, тут где-то содержат и Мьюриэлл?

– Нет, конечно. Никого живого в подсобном подземелье не осталось. А Мьюриэлл – это просто вторая я. У неё куда более острое... э-э... внутреннее зрение.

– Да-а?! – я открыл было рот, но быстро заткнулся, думая, как бы вежливей сформулировать вопрос. Миерна «рас-толковала» всё сама:

– Ваш док Ханс называет *это* там, у себя в мозгу, – шизофренией. Ну, то есть, когда человек считает, что в нём живут... Как бы двое.

И ещё кое-что. Я хочу, чтоб ты знал: я не обижена. Вы можете называть *это* как вам угодно, но суть от этого не меняется: это Мьюриэлл помогла мне выстоять. И выжить. И сейчас помогает – это она сказала, чтоб я тебя предупредила, потому что ты мне сейчас... Э-э... Не слишком доверяешь. А я – вовсе не какое-то там «хитро замаскированное оружие», а просто... Жертва. Подбирая слова из тех, что есть у тебя в мозгу – «чудовищных экспериментов».

– Круто! Прости. – про себя думаю, что раз уж она – телепатка, и свободно читает у меня в мозгу, конечно, видела, что я о ней... Чувствую, как краска заливает уши. – Но... Наверное, тебе неприятно об этом вспоминать.

– Да уж. Поэтому я и хочу, чтоб ты... Ну и все ваши... Бойцы – помогли мне отомстить. За себя и маму.

– А что там с мамой?

– Она умерла.

– О-о!.. Прости. Мне очень жаль.

– Я понимаю. И вижу, что тебе и правда – жаль. Да и вообще – с совестью у тебя, как ни странно, всё в порядке. – чувствую, как уши снова начинают гореть, – Но сейчас я тебя прошу: пройди в обход этого места, и дальше я укажу тебе настоящий вход во второе, основное, подземелье.

– Отлично. А... Почему ты не показывала его тем, кто орудовал тут до меня?

– Они были слишком... Не обижайся – глупые. И бессовестные. Чурбаны, которым только пострелять бы! И они ни за что не поверили бы, что я хочу именно – помочь. А не заманить их в ловушку.

– Ага, понял. – тут она права. Бойцы группы зачистки – действительно: ребята, мягко говоря, мнительные, и пострелять во всё подозрительно выглядящее, гораздые, – Куда идти?

Направляемый Миерной, я довольно быстро и без осо-

бых приключений (Ну, если не считать того, что пару раз поскользнулся, а один-таки – грохнулся на осклизло-заплесневевший глиняный пол служебного тоннеля всей задницей!) добрался до «входа».

– Миерна.

– Да?

– Ты не будешь против, если я расскажу своим про место расположения входа?

– Конечно нет. Обязательно расскажи – я знаю, что тебе спокойней, если сзади тебе прикроют, как ты выражаешься, тыл. Пусть и испачканный. Хи-хи.

А она-то у меня – не без юмора дама!..

Включаю связь, докладываю первому о своём местонахождении, и обнаружении: до этого абсолютно незнакомой нам конструкции «входа». Первый не верит:

– То есть как это – «включается при произнесении определённых слов»?! Ты-то – откуда эти слова знаешь?!

– Мне их Миерна подсказала.

– ?!

– Э-э, не важно. Позже объясню. А сейчас пришлите-ка сюда кавалерию!

Знаю, что через буквально десять минут тут будет не протолкаться от не в меру ретивых, и сопящих от вожделения, бойцов спецназа. Поэтому спешу пройти сквозь проход, открытый повернувшейся на толстой оси плитой. А хорошо она была замаскирована – даже волосяной щели между ней и

стенами не видать! (Помечаю поэтому крестом, накорябанным любимым виброножом.)

Бессмысленно говорить, что внутри тоже темно, как у негра в... потому что здесь, в подземных ярусах – всегда темно именно так. Для этого, в конце-концов, нам всем и вживлён ночной глаз – чудо довоенной технологии. Правда, как я слышал, он создавался для андроидоподобных роботов. Однако наши – вернее, Центрального Штаба – «умники в халатах», легко приспособили его к нашим целям.

Вижу узкий коридор, и в конце – как бы дверь. Тамбур?
– Нет, это не тамбур. Это – очередная ловушка. Тут на тебя из дырок сверху скинут парочку сотен миллиардов бактерий какой-то ужасной болезни. Чтоб ты, проще говоря, умер сам, и заразил всех тех, кто придёт тебя спасать.

– Надо же... Коварно, коварно... (Ну правильно – «нежити»-то заразиться и умереть – не грозит!) А нет способа обойти и эту... дверь? Ведь сами-то ведьмы как-то сюда заходят?

– Нет, обойти нельзя. Но... э-э... Вот оно, это слово: дезактивировать можно.

– Это как?

– Очень просто. Видишь – вон там, слева, выключатель?

– Вижу.

– Вот и щёлкни им три раза. А через три секунды – ещё три раза.

Действительно, оказалось просто. Но... Как узнать, что

бактерии на меня всё равно не попадали? Они же – не кирпичи, их простым глазом не заметно.

– Не сомневайся. Никто на тебя не попадал.

– Ладно, извини: я всё равно боюсь бацилл. Это – подсобное. Куда дальше?

– Дальше – вниз. По вон той лестнице. – мою голову словно развернуло к этой самой лестнице.

– Миерна!!!

– Да?

– Это ты мою голову развернула?

– Я.

– Пожалуйста, больше так не делай. Я привык сам распоряжаться своим телом. И своими реакциями. – кручу головой в ставшем как-то сразу тесноватым воротнике кителя, поправляю застёжки, – Именно поэтому я и жив до сих пор.

– Хм-м... Звучит логично. Прости, не подумала. Просто хотела, как быстрее.

А неплохо «оборудована» наша «подопытная». Однако осознавать, что она в любую секунду может перехватить контроль надо мной, над моим телом, или телом любого другого человека... Или даже – целого подразделения... Неприятно. Мягко говоря.

– Ха-ха. Это уж точно. Мне не составило бы труда управлять вашими солдатыками. Но я добрая. К тому же сейчас я – за вас. Вы мне помогаете. Отомстить.

– Ага. То есть – когда мы тебе будем уже не нужны, ты

нас...

– Нет, не пришибу, если я правильно угадала слово, которое ты пытаешься спрятать. Вы мне ещё пригодитесь.

– Да-а?.. Это, конечно, радует. Что мы – пока! – тебе нужны. – мои ощущения легко угадал бы любой, самый «легкоформенный» параноик! – А... Потом?

– «Потом» я пока представляю себе плохо. Не забывай – я маленькая беззащитная девочка.

Я не придумал ничего лучше, как заржать, словно жеребец. Даже слёзы выступили:

– Миерна! С тобой не соскучишься. Это *ты* – беззащитная девочка?! Похоже, ты и ведьмам давала про...раться!

– Ну... – она похихикала, – Старалась. Делала, что могла.

– А они?

– А они – сучки вонючие. Морили меня голодом. «Воспитывали».

– Ух ты... Прости. Это... наверное, жутко. Сидеть вот так, в яме, и голодать.

– Ну, в яме-то я была не всегда. Это они, уже уходя в вот эту часть комплекса, оставили меня. Тебе «на растерзание». Как приманку-отвлечение. Чтоб ты не пошёл искать остальной лабиринт, а «спасал» меня. А так-то я сидела почти как сейчас у вас: в бронированной изолированной комнате. Одна. Но – тоже с игрушками.

Надо же. Бедняга. Похоже, она и впрямь рассматривается и нами, и ведьмами – как супероружие. И – теперь-то понят-

но, почему. Хотя... Может у неё в рукаве припрятано ещё каких скрытых способностей?!

Теперь уже засмеялась Миерна – словно серебряные колокольчики зазвенели:

– Рольф! Ты самый обаятельный параноик, с которым я общалась!

Нет – она реально молодец. Но всё-таки действительно интересно...

– Миерна. А ты ещё что-нибудь умеешь? Ну, кроме вот этого – дистанционного подчинения тел и чтения мыслей? – я продолжал двигаться, вслушиваясь и всматриваясь в окружающую мешанину проходов и переходов, и вода везде тубусом сканнера. По указаниям своей странной проводницы (Мьюриэлл!) я старался забирать левей – как бы по дуге. Похоже, «секретная» часть лабиринта находится вовсе не ниже, как мы думали вначале, а – выше. Под холмом. А умно. Туда-то грунтовые воды точно не просочатся.

– Ну... Могу ещё видеть глазами всех, кто жив. В... Сейчас, подберу снова термин из твоей головы – в радиусе ста миль, когда обладатель зрения на поверхности, и около пяти сот шагов – когда под землёй.

– Постой-ка... Я недопонял. Ты же сейчас – в боксе. И до него от меня километров пятьдесят!

– Это – ничего. Ведь над тобой на поверхности – взвод спецназа на своих бэтэрах. Я использую мозг капрала Кулакова как «промежуточный усилитель» – этот термин взяла

из твоей памяти.

– Чёрт возьми! – я... мягко говоря – сильно удивился! – Вот уж не думал, что у этого типа есть мозг! И он хоть на что-то годится...

Миерна снова похихикала. На это раз деликатно – ну прямо, как девица благородных кровей, воспитанная в элитном пансионе:

– На *это* – очень даже сгодился. Мало того: капрал меня даже не заметил!

– Понятно. А что ещё?..

– А ещё могу научиться – вернее, уже научилась! – трём иностранным языкам: это я уже из голов ваших учёных понатягала. Они же всё время ходят-вынюхивают вокруг меня. Надеются «расколоть».

– Вот это да! – теперь я непрерывно работал и детекторами, – Так тебя скоро можно будет использовать ещё и вместо универсальной переводчицы!

– Да. Можно. Только не думаю, что это нужно будет действительно скоро. По той картине, которую я вижу на био-матрице, на соседних континентах, и туда, дальше на восток – на этом, живых не осталось. На поверхности. Живых, я имею в виду, людей. Только ведьмы и мертвяки. Там вообще мало кто выжил. И с самого начала не было такого сплочённого и дисциплинированного подразделения, как ваше. То, базовое.

И ведьмы победили. Задавили числом.

Да, верно. Если б не наш Первый батальон альпийских стрелков, сумевший какое-то время отбиваться от атак в переоборудованных Карлсбадских пещерах, там, где и сейчас наш Генеральный Штаб, и нас запросто могли бы...

– А что это за... Биоматрица?

– Это такая как бы... Вот слово: схема. Глобус. Ну, изображение планеты у меня внутри. И там видны жёлтенькие точки – в местах, где есть живые. (Ну, это – когда они вылезают на поверхность. Земля и бетон Бункеров сильно экранируют!) И чёрненькие – где орудует нежить. Меня и держали впроголодь, и мучили – потому, что я имела глупость рассказать, что вижу глобус. А им... А подожди-ка секунду. Я тебе покажу! Остановись.

Теперь – глаза прикрой... Старайся думать обо мне и глобусе.

Ух ты... Точно – биоматрица. Тоненькие пунктирные контуры континентов. Сине-зелёное пространство: там, где живут и правят бал ведьмы. Точки. Чёрненькие – таких много.

Жёлтые. А вот их-то... Н-да. Всё, как она и сказала.

А вот и красные как бы острова: зоны контроля наших Общин.

Видение пропало, но осталось ощущение безысходности.

Чьё это? Моё? Или всё-таки – Миерны?.. А, может, – Мьюриэлл?

Пришлось, чтоб очухаться, встряхнуть головой – видел

ребёнком, как делает это спаниель, вылезший из воды. Приказал себе перестать кусать губы. Полегчало.

Двинулся дальше.

– И они от тебя, значит, добивались?..

– Вот именно. Хотели, чтоб я рассказала, где и сколько кого ещё сохранилось. Им живые нужны.

– Да уж... – молчу, перевариваю. Чтоб пауза совсем уж не затянулась, спрашиваю:

– Стало быть, ты и с расстояния тысяч миль видишь, есть ли живые люди?

– Да, вижу. Когда они – не под землёй. Но видеть эти точки – это одно, а управлять, видеть *их* глазами, или хотя бы – связаться – совсем другое. На такое даже моих сил не хватает. А я была самая сильная в моей... э-э... Генерации.

– Постой-ка... – что *это* мелькнуло у меня в мозгу?!.. (Я – что?! Сам тоже – могу как бы *видеть* её мысли?!) – Тебя что же, вывели искусственно?!

– Ну... Можно и так сказать. И я буквально на втором году жизни знала – кто.

И для чего.

– Надо же... Нет, если тебе неприятно – не рассказывай.

– Не буду. Но не потому, что неприятно, а – чтобы не отвлекать. К тебе сейчас пожалуют «гости».

Точно. Пожаловали.

Рубиться и махать тубусом генератора ЭМИ пришлось снова изо всех сил.

Мертвяков-то я не боюсь, а вот шершней – да! И то, что этих достаточно редких и дорогих, с хорошей экранировкой, микророботов пёрло на меня не меньше нескольких сотен, говорило о том, что на этот раз от меня хотят отделаться с гарантией! Жало с раствором цианида – это вам не курарин какой! Это – мгновенная смерть!

Однако тут у меня имеется для гадов сюрпризец, о котором наши враги ещё не подозревают: нажимаю неприметную кнопку на генераторе ЭМИ, и он даёт форсажный режим! Жаль, что при этом вся его начинка за пару секунд сгорает... (Ничего: на базе мне вставят новую!) Зато защита шершня пробивается легко!

Насекомые попадали. Мертвяки тоже – я даже слегка запыхался, пока «поубивал».

Теперь ко мне несётся, словно сбесившийся локомотив, самец росомахи. Вот уж неприятное животное. И, поскольку голова укрыта щитками – из парализатора мозг не взять. Ладно, катану я починил – порубимся!

«Рубка» много времени не заняла – это только в старинном кино все красиво машут, прыгают вокруг друг друга, делают выпады, блоки... Ага, смешно.

Бой в подземельях скоротечен: пара ударов – и кто-то из соперников на полу: воя и агонизируя, пытается лапами затолкать кишки назад: в распоротый живот. А оставшийся на ногах соперник в это время отрубает противную зубасто-клыкастую голову...

– Рольф.

– Да?

– А можно тебя попросить?

– Конечно! Что ты хотела?

– Слушай, просьба такая. Странная, наверное... Ты можешь мне вырезать один такой коготь?

Прикидываю, смотрю. Вроде, нетрудно.

– Да, могу. Однако... Если его не обработать как следует, он будет вонять.

– Ничего – это уж забота доктора. Я попрошу и его.

– Ладно, без проблем. – я хмыкнул. Уж кто бы сомневался, что она дока – «попросит»!..

Вибронож – незаменимая штука. На вырезание самого крупного когтя ушло не больше минуты. Длина чёртова штыря оказалась побольше пяти дюймов!

– Красавец, а?

Я уже давно понял, что Миерна смотрит на всё моими глазами. А, может, и помогает. Моему телу. Потому что «пока мы ей нужны».

– Да, отличный. Я потом попрошу лаборанта, мистера Питерса, просверлить в нём дырочку. И буду носить на шнурке. На шее.

– Миерна. Ты же – «маленькая беззащитная девочка». Но – менталистка. Я уже давно понял, что никакое материальное оружие тебе не нужно. За каким же?..

– Э-э, вам, мужчинам, никогда нас не понять! Это – укра-

шение!

Я прикусил язык. Верно. Точно. В *этом* смысле – с точки зрения стремления обладать разными красивыми бессмысленными побрякушками, мне и правда... Не понять.

Это не помешало мне поиронизировать над самим собой.

– Извини. Я – балда. Совсем забыл, что нам, трезвым и прагматичным самцам, важно только то, что приносит непосредственную пользу. Ну, или можно использовать как оружие. А вам, кокетливым дамам, нужна ещё и красота. Неопи-суемая.

– Ха-ха-ха!.. – а заразительно она смеётся. Да и сама, насколько помню, симпатичная. Особенно после того, как док и его ассистенты помыли ей голову, и смыли грязь с тельца, одели...

ВОТ ВЕДЬ ЧЁРТ!!!

– Миерна. Прекрати это немедленно! Никаких «отношений» у нас быть не может! Я – Охотник. Значит – никаких «привязанностей», дружбы, и всего такого, что может отвлекать меня от основной задачи!

– Блинн. – тон сделала нарочито расстроенный, но чувствую – довольна, зар-раза, что стрела попала в цель, – Ты, конечно, прав. Больше не буду. Транслировать тебе мою бесподобную неземную красоту. Извини, увлеклась мечтами. И воспоминаниями...

Однако коготь ты для меня всё равно вырезал! – мысленно чувствую, как эта коза бессовестная показывает мне язык.

Сам же могу только вздохнуть, (Тоже – мысленно!) и почесать в затылке.

– Ладно, Рольф. Соберись снова. Скоро начнётся. – тон, чувствую, посерьёзnel. Похоже, передышка кончилась, – Марвин послал кавалерию. Справишься?

– А то!..

Кавалерия – толпа тренированных инкубов, (ну, это мы их так называем) выполняющих при подземелье функцию пчёл-стражей при улье. То есть ведъм-самцов. Вон: уже летят – ишь, как заколебалось изображение коридора по краям глаза.

Перед собой толкают здоровенный как бы щит – сшитый наспех, словно лоскутное одеяло, из уголковых отражателей, пластика и алюмоплёнки! – призванный нейтрализовать удары парализатора и ЗГ – звукового генератора.

И, судя по пытению, щит этот – во всю ширину коридора: мне теперь тварей не достать! Ну, в-смысле – в лоб! Поэтому быстро кидаю в сторону выкативших на тележке из-за угла эту громоздкую конструкцию инкубов две гранаты с самой обычной шрапнелью, и быстро прячусь в боковом коридорчике-обрубке.

– Бу-бу-у-у-х-х-х!!! Тр-рах! Д-з! Д-з-з-з-з...

Осколки-шарикоподшипники так и свистят мимо. Высовываюсь в сторону частично деморализованного противника и бью парализатором по ногам и видимым головам.

Орут, дёргаются, падают!

Ещё бы. Они-то – не мертвяки!..

Неплохо: попадало больше половины, остальные перегруппировываются за обломками щита. Тут же кидаю туда ещё две гранаты – уже с бризантным гексагеном. Прячусь обратно, открываю пошире рот.

Бу-умм! Бу-умм!

Теперь можно и не торопиться. Потому что то, что осталось от тел – просто раздробилось на мелкодисперсные кусочки-ошмётки. И никакой щит теперь тому, кто остался жив (вернее – псевдожив!) не поможет.

– Знаешь что, Рольф...

– Да?

– Я иногда удивляюсь, за каким ...ером начальству вашей Общины нужны группы зачистки. И огромное по численности подразделение спецназа. По-моему, ты и сам прекрасно справился бы с зачисткой от нежити всей норы Марвина.

– Слушай, хоть ты и маленькая девочка, удивляюсь я, что выражаешься-то ты – куда там многим взрослым. Да и сообщаем.

– Ха! Это нетрудно. Я ещё раньше, ну, у ведьм, времени не теряла. А тут понахваталась из мозгов дока, его ассистентов, спецназовцев, инженеров, начальства твоего. А реалистка-то я – с рождения. Так что там – с зачисткой в одиночку?

– С «зачисткой в одиночку», Миерна, не всё так просто... Потому что для гарантии всё равно нужно много людей –

чтоб не дать нежити отсидеться в тупиках и каморках. Или уйти через закоулки. И, кроме того, охотник – он, во-первых – как бы... Камикадзе.

Вот – посмотри у меня в мозгах. Поняла, что я имею в виду?

– Ну, когда ты мыслишь чёткими фразами и ясными зрительными образами – всё понятно. А вот когда у тебя всякие там подкорковые ассоциации и подсознательные рефлексы – нет. Туман. Вернее – бессвязное бормотание. Но я поняла, кто такие камикадзе.

– Ага, хорошо. Ну, а во-вторых, не каждый, даже тренированный боец, сможет переть на себе сорок кэгэ громоздкого неудобного оборудования, да ещё и грамотно со всем этим управляться! Нужна огромная сила, выносливость. Реакция! Да и желание.

– А почему ты не говоришь про... чутьё? И – ненависть?

– Твоя правда... Чутьё, – пришлось сглотнуть. И приостановиться. – это главное!

– Я... Поняла. Значит для тебя – всё это – личное?

– Ну... Скорее – да! – кулаки невольно сжались.

Собственно, так бывает всегда, когда я чуть ослабляю контроль, и видения гибели матери, сестрёнки и тётки затапливают Ниагарой моё внутреннее зрение...

– Прости, Рольф. Не хотела тебя расстраивать.

– Ничего. Я... Уже свыкся с тем, что я – монстр-разрушитель. Мститель. Убийца.

– Нет. Ты – не убийца. Я же видела мысли всех. И наших и ваших. Собственно, я и сейчас их вижу. Удивлю тебя: среди бойцов-спецназовцев есть несколько уродов, которые получают реальный кайф, разнося в клочья тех, кто даже опасности для них не представляет. А просто потому, что им *это* нравится!

– Надо же... Всегда подозревал, что они – дебилы.

– Ну... Не все. Некоторые.

– Понятно. – а, собственно, чего я ждал? Она права: человек, получающий кайф от убийств, и своей безнаказанности за изуверства, за которые нужно бы сажать на электрический стул, идёт работать...

В армию.

Были же в рядах ДжиАй, то есть – штатовских пехотинцев во Вьетнаме и Корее – те, кто коллекционировал уши. Пытал пленных, насиловал малолетних девочек... Хватит.

– Рольф. Впереди – Марвин.

– Что, вот так, прямо сам, к нам и идёт?

– Ну да.

– Храбро. – и правда, в конце коридора показалась фигура. Человек, закутанный в чёрный плащ. – А почему он выглядит как человек?

– Потому что он и есть человек.

– А почему он идёт сам?

– Ну как – почему?! Хочет отвлечь от своих подчинённых и соратниц внимание, и дать им таким образом спастись!

– Район перекрыт. Двойным кордоном. Никого он так не спасёт.

– Да. Но он-то этого пока не знает. Для *настолько* широкого охвата и осмотра обстановки его способностей и сил не хватает. Он должен подойти к тебе поближе.

– Погоди-ка... Он – что? Тоже может видеть всё вокруг – как ты?

– Ну да. Это те самые наследственные мутации и способности, которые он и пытался передать через свои гены своим потомкам. Насилуя их матерей долго. И тщательно. Чтоб те забеременели. Нами.

– Миерна!!! Так он?!..

– Верно, Рольф. Он – мой отец.

Рольф

Марвин приближался к охотнику медленно. Знал, что любые его резкие движения тот может воспринять как агрессию. Или – провокацию.

Охотники, они и так – чрезвычайно подозрительные ребята. А этот – Рольф, как он вычитал в его мозгу! – особенно. Потому что он сейчас поддерживает телепатическую связь с Миерной. Поэтому понимает, что и сам Марвин может быть чрезвычайно опасен.

– Стой. Я должен проверить тебя приборами. – надо же, какой у Рольфа, оказывается, резкий и хриплый голос. Буквально режет слух, словно вибронож – тело.

Марвин остановился. Терпеливо стоял под излучателями-сканнерами, даже медленно сделал, когда Рольф приказал, оборот вокруг своей оси.

– Подходи. Медленно.

Обыск Рольф предпочитает делать по старинке. Руками.

Но Марвин ничего с собой не взял. Знал, что всё равно обнаружат. Да и не нужно ему ничего.

Его основное оружие – он сам.

Но теперь и это – под большим вопросом. Потому что...

Потому что Миерна, его дочь, ненавидит его. И может заблокировать, нейтрализовать, или даже просто – убить, в любую секунду. Даже на таком расстоянии. И если она до сих

пор этого не сделала – значит, у неё есть причины. Веские.

Допрос?..

Да, ей будет нетрудно взломать его блоки, и залезть в самые глубины подсознания, если его приведут туда, в Штаб, и разместят хотя бы в сотне шагов от дочери.

Он-то знает.

Сильней его дочери сейчас никого нет.

А дочь...

Зла на него. Если это сказать *очень* мягко.

Из-за Роны.

Дильфуза

– Нет, не трогайте её.

– Марвин! Ты – что? Она же не годится для тебя? Смотри, какая старая и тощая! Уж такая-то наверняка прошла менопаузу!

Вежливым мягким движением Марвин отстранил Дильфузу в сторону. Протянул ладони к ауре женщины, про которую столь презрительно высказалась начальница разведотряда. Поводил руками в стороны и вверх-вниз.

– Нет, она ещё в состоянии. И я чувствую: именно *в ней* что-то есть. Какие-то особые способности. Может, до экстрасенса она и не дотягивает, но...

Оставьте её мне. Остальных можете... – он не договорил, но они все и так отлично знали, какая судьба постигнет тех «бесперспективных» женщин, которых он «отбракует». И детей.

– Ладно, как знаешь! – Дильфуза пожала плечами, и махнула своим. Взвод увёл крохотную группку истощённых пленниц и детей дальше в развалины.

Марвин остался лицом к лицу с женщиной.

Та упорно смотрела в землю у своих ступней. Босых, сиене-серых и неправдоподобно узких – и дело явно было не в том, что она недоедала в последнее время. Марвину словно сдавило сердце невидимой волосатой рукой.

Женщина даже не кусала губы, как обычно делали «избранные», понимая, что их ждёт что-то похуже простого укуса – Марвин за это их и выбирал. За ограниченную способность проникать – сознанием или инстинктом! – в чужие мозги и тела.

Но эта всё так же не шевелилась, хотя не могла не понимать, что здесь и сейчас решается её судьба. Что Марвин – явно какой-то местный начальник, как раз и имеющий право раздавать указания: кому – жить...

А кого – отправить на превращение в мертвяков. Или – в пищу.

– Не бойся. Раз я тебя выбрал, участь остальных тебе не грозит. Пока...

Если он надеялся, что она спросит, «пока – что?..», то сильно ошибся. Поэтому закончил сам:

– Пока ты не будешь признана бесперспективной, и я не установлю точно, что ты не в состоянии забеременеть. От меня.

Она и сейчас ничего не сказала. Но подняла глаза – О! Сколько там было кипящей ненависти и отчаяния! – и плюнула в него.

Марвин просто утёр плевков с лица. Ему, конечно, было неприятно – женщина чем-то понравилась ему, и он не хотел, чтоб с ней было, как со многими из остальных. Поэтому хмыкнул:

– Ну, как знаешь. Но лучше будет, если ты согласишься

всё сделать добровольно. Сама. Потому что в противном случае мне придётся приказывать слугам привязывать тебя. Или просто – усыплять. Затем мне придётся тебя насиловать. И – снова насиловать. До тех пор, пока мы не получим нужного нам результата.

А нужно нам, как я уже сказал, чтоб ты забеременела. От меня.

Как видишь, я откровенен. Мы всё равно добьёмся от тебя того, чего хотим. А вот если б ты согласилась добровольно – тебя кормили бы лучше, чем обычную пленницу. И не причиняли бы боли. И, возможно, после рождения ребёнка – ну, если б его характеристики получились удовлетворительными! – оставили бы в живых. Для продолжения получения нужного нам потомства.

Женщина ничего не сказала. И не плюнула, как он было подумал. Но посмотрела...

Как раньше писали о таком взгляде романтики – «словно насквозь прожгла!»

Однако Марвин за годы «работы» свикся со своей ролью. И почти не сердился на то, что считал банальной глупостью:

– Я предлагаю тебе жизнь. В твоей воле – выбрать это, – он жестом указал на её бёдра, – или – он кивнул теперь за спину, где уже не слышно было шлёпанья босых ступнёй, – *то*. Подумай над этим, пока будешь сидеть в карантине. И помни. Сейчас у тебя есть шанс передать свою кровь, свои гены – дальше. Родить ребёнка.

Многие за такую, даже крошечную, возможность, отдали бы руку.

Или – жизнь.

В карантине пленнице пришлось провести трое суток. Именно столько Марвин посчитал нужным, чтоб с гарантией избавиться от разной заразы. «Свежие» – ещё крепкие и сообразительные – равнодушные мертвяки-охранники педантично-методично обрабатывали щётками, мылом, дезинсектантами и прочими средствами гигиены её тело.

Всё это время Марвин продолжал делить постель с Дильфузой, открыто фыркавшей ему в лицо, что он – похотливый и безмозглый кобель, только зря расточающий своё драгоценное семя на «разных бесперспективных старух».

На третью ночь Марвин вынужден был согласиться, что питает-таки определённые эмоции в отношении новой кандидатки:

– Подумай сама. Если я не буду чувствовать эмпатии, контакта с ней, с её внутренним миром, я не смогу и как положено, то есть – *качественно*, оплодотворить её!

– Брехун ты, Марвин. – Дильфуза, ещё слегка запыхавшаяся после увеселений, откинулась на подушку, – Про этот «контакт» ты Конклаву, да и мне все уши прожужжал. Но пока из твоих детей только двое получились более-менее... Как ты выражаешься – «с приемлемыми боевыми характеристиками». Я иногда думаю, что ты этот план предложил

нарочно. Чтоб потешить своё хреново либидо: ты – ...барь-террорист. Садист. И явно получаешь удовольствие, насилая несчастных жертв-кандидаток.

– Бред! – как Марвин не старался, раздражение прорвалось в голос. А возникало это раздражение от того, что Дильфуза тоже – словно видела его скрытые комплексы, и угадывала подспудные мотивы, которые двигали им довольно часто, и о которых он и сам не всё знал, и, разумеется, предпочитал помалкивать, – Моё «хреново либидо» я отлично тещу и с тобой. А до этого мне неплохо было и с Белиндой. Я, как ты, возможно, обратила внимание, имею возможность выбора – спасибо Конклаву. И выбираю...

– Знаю-знаю, – Дильфуза хитро прищурилась. В огромных чёрных глазах проскользнуло что-то от удовольствия породистой балованной кошечки, сожравшей миску сметаны, – Самое лучшее! Согласна: хоть здесь ты не врешь! Но знаешь что, Марвин...

– Да? – он знал, что она сейчас скажет. Читал это в её мозгу.

И знал, что она тоже это знает. И от этого тоже получает наслаждение. Как бы транслируя ему то, что лежало на поверхности её просто устроенной натуры. И зная, что этим приводит в смятение его всё ещё ранимую душу. Своеобразный такой выверт изощрённого эксгибиционизма.

– Да. Именно это. То, что я – самая красивая и сексапильная в нашем Убежище, мне, понятное дело, льстит... Но

с другой стороны я не слишком счастлива, что приходится лучшего кобеля Поселения делить с какими-то... Шлюхами подзаборными!

Марвин вздохнул, откинувшись. Перевернулся на спину. Уставился в потолок. Губы старался уже не кусать.

Сколько раз они говорили об этом. И сколько раз он приводил ей аргументы, свои и Конклава, одоббившего его Программу «создания суперэкстрассенсов» для окончательной победы над отрядами Сопротивления.

Дильфуза не то, чтоб не понимала их «мужской» логики, но старательно делала вид, что не понимает. Знала, что таким образом злит его. Заводит.

Только с одной целью.

Когда Мартин зол, он и правда – террорист в постели. Вымещает, так сказать, агрессию, в наиболее приятной любовнице форме!..

Но сейчас у него не было настроения заниматься снова любовью. Он хотел подумать.

Понять, что же такого он увидел в своей «новой жертве», что вынудило его приказать оставить её даже до того, как он разглядел её вблизи – как-то так получилось, что когда пленников проводили мимо, рука словно вскинулась сама: «Вот эту!..»

– Эй, я знаю, что ты не спишь. И не надо прикидываться, что ты устал. С такой кормёжкой тебя должно хватать на троих таких как я, – да, подумал Марвин, одно время так

и было: он позволял себе «разгуляться», имея за ночь одновременно до трёх самых красивых ведьм Убежища, – Давай, вставай-ка.

Последнее предложение, впрочем, относилось не к самому Марвину, а к его «орудию». Так сказать, «главному инструменту» Программы создания мутантов.

Предназначенных для обнаружения, и просто – уничтожения обычных людей.

Марвин и сам отлично понимал: да, такой как он – может отлично сдерживать, и бороться с ведьмами. И даже членами Конклава. Шрам на лице Белинды, которая первой попыталась «захватить» его в плен, прошёл только через два года. И то – только стараниями самого Марвина: он чувствовал вину перед лучшей любовницей, что у него была.

Правда, с подправленным лицом, или без него, уже оказалось неважно – красавицу и умницу Белинду убил охотник.

Нет, не Рольф, а Брэндон.

Марвин знал охотников по именам. И чувствовал их передвижения и эмоциональный фон. Но мысли, их, и других людей, оставались недоступны, если расстояние превышало десять шагов.

Однако Марвин надеялся, что рано или поздно сочетание генов – его и очередной «избранной» – поможет увеличить эти «боевые характеристики».

Мысли и воспоминания, роем саранчи пронесившиеся в голове, не помешали его «орудию» чутко отреагировать на

старания Дильфузы, взявшей дело в очаровательный, словно бутон лилии, ротик. Зар-раза! Она действительно – потрясающе красива! И знает об этом. Давно вычитала в его мозгу его восхищение ею, и соответствующие мысли... И иногда даже использовала те позы и изгибы тела, которые он себе представлял!

Вот она, обратная сторона его способностей: читаешь в чужих душах... Но и свою не можешь полностью скрыть за блоками!..

Он замычал, зажмурившись. Запустил ладони в огромную копну смоляных волос. Боже, до чего она, дрянь распутная, хороша!.. Он отлично осознавал, что позволил ей себя соблазнить тогда, в самый первый раз... И после этого – всё.

Как говорится, увяз коготок – всей птичке пропасть!

Дильфуза слишком прекрасна. И – классическая собственница. И знает, что он – покорён. И кроме того, она, как и все ведьмы, тоже обладает теми самыми способностями, что, будь она нормальна, позволили бы надеяться на как раз те самые мутации...

Но ведьмы бесплодны.

Вот она: плата за вечную красоту и... Бессмертие.

Он приподнялся, перевернул любовницу на живот. Навалился, сопя. Воспрявшее орудие вошло мягко – уж он-то чувял, *как* именно Дильфузе сейчас хочется!..

Ладно, сделаем девушке приятное. Она и правда – тоже к нему равнодушна.

Что-что, а это-то он видит!

И пусть она – до самых глубин тёмной душонки расчётлива, жестока, развратна, и сексуально озабочена, она как раз этим его и покорила: своей почти наивной испорченностью, и полным отсутствием стремления выглядеть лучше, чем есть!

Хотелось девушке его девяти дюймов – она так ему об этом и сказала!

И ведь получила, что хотела.

К вечеру четвёртого дня ему пришлось заняться и делом.

В комнате, куда «избранную старушку», как её теперь, поспеиваясь, обзывала Дильфуза, перевели после карантина, было тепло и светло. Чисто. Основной предмет интерьера – кровать – занимал добрую половину территории.

Женщина избрала тактику молчания. На его попытки познакомиться, или завязать разговор, только моргала, отрешённо глядя в потолок, или в стену, когда он стоял рядом.

А поскольку при этом она лежала на огромной кровати, нарочито раскинув в стороны руки и ноги, словно выброшенная на сушу морская звезда, Марвина слегка проняло:

– Хватит изображать несчастную жертву! Я всё равно должен заняться с тобой сексом! Потому что мои Хозяева ещё не освоили способ оплодотворения, как у племенных коров! Шприца со спермой не будет!

Впервые он ощутил слабый отклик – она словно усмехну-

лась там, внутри. Но где-то очень глубоко.

Значит, не идиотка! И – не так зла на него, как пытается показать ему в своих мыслях, «формулируя» чётко произносимыми про себя словами, что он – похабник, развратник и редкая мразь! Прислужник и раб тварей и гнусных гадин! П...рас и извращенец!

– Ладно, согласен: я – не идеал романтического возлюбленного. Но и не совсем уж сволочь. Могу тебя обрадовать: ты мне и правда – понравилась. Наверное тем, что чем-то близка. Ну, духовно, – он хмыкнул. – Я тоже вначале был непримирим. Сердит. Отказывался «работать». – Марвин присел на постель, спиной к женщине, – Ни к чему хорошему это, естественно, не привело. Мне предложили разрешить очень простую ситуацию. Поставили передо мной очень красивую молодую девушку... И сказали: «Выбирай! Или ты спишь с ней до тех пор, пока она не забеременеет, или мы отдадим её на растерзание мертвякам!»

Разумеется, они знали, что я уже видел... Что происходит с живой женщиной, если она попадает к...

Ну и что мне оставалось делать?

Марвин надеялся только на то, что женщина ещё не может читать у него в подсознании так, как уже наострилась Дильфуза. Иначе его наглая ложь сделает только хуже.

– Если ты думаешь, тварь, ведьмий прихвостень, что разжалобил меня рассказиками о своей «несчастной судьбе», ты сильно ошибаешься!

А приятный у неё голос. Несмотря даже на то, что она пытается подпустить туда побольше жёлчи и яда. Да и радуется, что она хоть что-то сказала. Марвин не стал форсировать, приводя доводы рассудка и новые аргументы. Сказал только:

– Да, я – ведьмий прихвостень. Раб. Производитель. Зато девушка осталась жива. И сейчас в изоляторе выкармливает моего второго сына.

Я смог убедить Комиссию, что её дети – перспективны.

– Да?! Ты – жалкий слюнявый говнюк! Трусливый приспособленец! Сексуальный маньяк, пытающийся перетрахать всех доступных баб! Убила бы, если б могла!..

Глядя, как она, сжавшись в комочек, и закрыв лицо ладонями, рыдает, Марвин подумал, что женщина не так уж неправа – иногда он, в минуты депрессии, и сам так про себя...

– Ты что – пытаешься эту дуру, как и остальных своих «подопечных» – «приручить»?

– Ну... – Марвин замялся, – Не то, чтобы приручить... А просто сделать её существование здесь хоть в какой-то мере осмысленным.

– Ха-ха-ха!.. – словно раскалённые иглы вонзаются в его мозг. Потому что смех, даже издевательский и саркастический, в исполнении Дильфузы – опасен. Она – *видит* его «натуру», – Кому ты лапшу пытаешься!.. Она – и правда: дура! Глупо пытаться обращаться с ней, как с разумным партнё-

ром. Не в коня корм!

Марвин прикусил губу. Он и сам уже знал, что женщина – Рона – не отличается излишним интеллектом. Но ему не это от неё нужно, а – здоровое потомство. С усиленными ментальными способностями.

– Я не пытаюсь, если ты об этом, втереться к ней в доверие. Просто хочу, чтоб её отрицательные эмоции не вредили будущему развитию плода! Чтоб наш ребёнок не был...

Врагом для неё!

– Поражаешь ты меня своей душевной простотой, господин «главный экстрасекс». Ты же можешь просто *приказать* ей полюбить себя. И она сама раздвинет ножки, и будет, как принято говорить, счастлива, что *ты* снизошёл... А что делаешь ты? Ждёшь и терпишь, выслушивая оскорбления и ругань?

– Да. Это – ничего. Пара дней нам погоды не сделают. А если оплодотворение будет происходить на добровольной, так сказать, основе – оно будет качественней. – Марвин и сам уже не слишком-то верил затасканному, и сотни раз повторенному аргументу.

– Чушь! По-твоему выходит, что когда четверо здоровенных жеребцов входят, и привязывают эту идиотку за руки и за ноги к кольцам, это – не насилие над личностью. А зато когда ты, щёлкнув пальцами, прикажешь ей до безумия влюбиться в твою подлую морду, и самой кинуться под тебя, постанывая от вожделения – это – насилие!

– Ну... – он запнулся было, – Да. Я же не виноват, что она при моём прикосновении, даже пальцем, сжимается каждый раз в комочек, и начинает орать как резанная, рыдать, и биться в истерике.

– Ага, он не виноват... – Дильфуза избавилась от остатков одежды просто: кинула похожие на ниточку гипюровые трусики сверху кучи всего остального, – А кто виноват? Я, что ли? Это ведь ты предложил Конклаву именно такой способ. План – целиком твой. Конклав-то до этого не заморачивался всякими сложностями: просто пускал туда, где засел очередной отряд Сопротивления, в их Бункер, «пушечное мясо» – да побольше.

А когда кончались запасы «съедобного мяса» – просто высылал разведчиц на поиски очередной группы отсиживающихся.

– Верно. В первые годы Конклав так и делал. – Марвин почувствовал себя уверенней. Тут-то его логика – неопровержима, – И куда это вас привело?

На это Дильфуза даже не возразила, забравшись вместо ответа под простыню, и призывно помаргивая огромными чёрными глазищами, и недвусмысленно облизывая пухлые чувственные губы с изящным изгибом линий. Марвин вздохнул, снял штаны:

– Больше половины мертвяков пропало из-за такой глупой «лобовой» тактики.

Причём – абсолютно впустую. Люди просто сжигали наше

«мясо» из огнёмётов. И закапывали то, что осталось от трупов. И присыпали известью. И теперь нам эти мясные ресурсы недоступны. Что это, как не расточительство со стороны любимого Конклава?

А других выживших, если вспомнишь, и так практически не осталось. Ну, на нашем континенте. А перебираться на соседний, да ещё без гарантий... Глупо.

Дильфуза обнажила остренькие зубки в ехидной ухмылочке:

– Какой ты всё-таки циничный и прагматичный гад. За нас он, якобы, «переживает»! Конформист... уев. Ладно, хватит делать вид, что тебе жаль всех на свете. И вот прямо всё на свете ты делаешь для «нашего Блага»! Иди, работай! Тебе надо вести «регулярную» половую жизнь.

Чтоб «держат сперматозоиды в активной форме»!

Сегодня обошлось без четверых «здоровущих жеребцов», привязавших бы оплодотворяемую к стальным кольцам в кровати.

Женщина даже не пикнула. Просто отвернула лицо, когда Марвин, сопя, забрался на неё. Он подумал, что в-принципе сейчас – самое оптимальное время. Её яичники – как раз в активной фазе. Нужно постараться.

Старался Марвин примерно полчаса – даже три раза сменил позицию, и закончил так, как шансы были наилучшими – «а ла ваш». Некстати мелькнула мысль о том, что это толь-

ко человек развернул партнёршу лицом к себе. Остальных млекопитающих секс вполне устраивает так, как предусмотрела Природа...

Когда судороги оргазма утихли, и он отвалился, женщина снова застонала. Отвернулась, свернулась комочком. Рыдания как обычно сотрясли уже не такое хрупкое благодаря хорошей кормёжке тело. Слушая всхлипывания и ощущая, как трясётся кровать, Марвин мысленно усмехнулся: уж он-то видел... Что женщина рыдает не потому, что унижена, или ей больно – всё это они проходили в первые три раза! – а потому, что считает, что так надо. Рыдать. Потому что, как ни крути, «честь поругана».

Он, если честно, давно порылся в закоулках того, что она называла своей душой.

И – опять-таки, если честно! – ничего выдающегося или оригинального там не нашёл. Устаревшие принципы, или так называемые моральные устои – почти как у пуританки. (Недаром же она оказалась девственницей – кто бы из парней или мужчин, ценящих себя и своё время, согласился «уламывать» такую, когда вокруг полно доступных, буквально кидающихся на шею, женщин и девок – «сексуальная свобода», мать её...)

Весьма ограниченный кругозор: кроме работы – она преподавала язык в начальных классах – женщину почти ничто не интересовало. Ни искусство, ни спорт, ни другие хобби, типа вышивания, или просто – сидения в Сети. Или, скажем,

сочинение стихов...

И абсолютно достоверный признак «невысокого Ай-Кью»: женщина, разумеется, считала, что лучше всех знает, «как надо» и «как положено» делать – всё на свете...

Он, если опять-таки – быть до конца честным с самим собой, вообще не понимал: может, ошибся?! Или... его обманули?! *Что* такого увидел в ней тогда, в первую встречу: та крошечная искра, что подобно аварийному маячку мигала внутри хрупкого тела, и кричала: «Я – особенная! Я не должна *вот так* умереть!», словно угасла...

Или женщина сама как-то спрятала её, когда поняла, что останется в живых?!

Тогда не он, а она – циничная и расчётливая тварь. Приспособленка. Которая сейчас даже не думает, что над ней – надругались. А просто... Делает вид, что так думает.

И – живёт.

Разозлившись, он повернулся к ней. Но в последний момент не открыл рот, а подумал со всей возможной силой:

– «Хватит придуряться. Я знаю, что тебе не было больно. И не делай вид, что тебя «изнасиловали». Ты этого и сама хотела.»

Ответ прозвучал вслух:

– Ложь! Ничего я не хотела. Меня тошнит от тебя! Ты – гнусный подонок. Выродок! Кобель на службе тварей! Ты просто знаешь, что мне деваться некуда... – последовал новый поток всхлипываний и подвываний. Но мысли... Ар-

тистка хренова. Его-то не обманешь *так*.

Марвин поймал себя на том, что невольно чешет в затылке. Покачал головой. Спросил уже вслух:

– Ты читаешь мысли всех, или – только мои?

Когда женщина повернулась, в глазах ещё блестели слёзы, но в голосе их уже не было:

– Всех! И тех кобелей, что мечтали завалить меня тогда, в молодости, и циничных подонков, которые хотели меня уже позже, в зрелости... И, конечно – твои! Твои мысли для меня – вовсе не сюрприз. Тоже мне – сексуально озабоченный экстрасекс!

Марвин подумал, поспешив спрятать эту мысль за блок, что набор слов в лексиконе «училки» вовсе не так разнообразен и велик, как можно было ожидать. Не надоело же ей употреблять каждый раз одни и те же ругательства.

Спросил, на этот раз мысленно, снова отвернувшись:

– Ты поэтому и не хотела вести... Половую жизнь? Тебе, наверное, видны были только пошло-сальные картины, что вставляли в мозгах этих придурков?

– Ну... Да. Да.

Меня до сих пор воротит, как вспомню!..

– Докладывайте, Марвин.

– Слушаюсь, Ваше Преосвященство. – Марвин оглядел белые капюшоны, и обтянутые кожей бритые черепа под ними, что сейчас были обращены к нему впалыми глазницами.

Но вот глаза...

Глаза членов Комиссии сверкали поистине нечеловеческой страстью. Страстью к убийствам! Собственно, чего другого можно ожидать: Конклав назначил членов Комиссии из бывших священнослужителей. А таким привычна мысль о «святой» Инквизиции.

– Собственно, суть доклада можно изложить в двух словах. Наша основная цель достигнута. Женщина забеременела!

– Хе-хе... Кто бы сомневался, что вы обрюхатите и эту, – на него сверкнул прищуром единственного целого глаза человек, сидящий по правую руку от Главы Комиссии, кардинал Риган, – насколько я понимаю ситуацию, вы ведь можете по собственному желанию направлять в нужное место и свою сперму! Будь ваш, простите, похотливый ...ер – даже в другой комнате!

– Не нужно иронизировать, Советник Риган, – Марвин старался сдерживать эмоции, понимая, что за него сейчас только то, что Конклаву до сих пор не удалось предложить никакой действенной альтернативы его плану, – Для качественного осеменения мне приходится прикладывать все свои силы. Надеюсь, я уже привёл достаточно аргументов в пользу того, что план, предложенный мной, является пока единственным реально перспективным. И работающим.

– Да, чёрт его задери, он работает! Малютка Паола действительно указала нам место, где прятались потомки и чле-

ны Правительства Бельгии. Ну и где она теперь?!

– Вы абсолютно правы, Советник Гирей, она мертва. Но если вспомните, – Марвин скрипнул зубами, и так вцепился в край стола, что доски затрещали под сильными пальцами, – это именно *вы* настояли, чтоб мы приказали ей напрячься. И это именно *я* был категорически против использования ребёнка, которому ещё не исполнилось четырёх лет! – последние слова Мартин почти выкрикнул в самую морщинистую рожу, мерзко щурящуюся близорукими подслеповатыми глазками из-под клобука.

– Тише, господа. – Глава Комиссии не повысил голоса, однако в комнате мгновенно наступила тишина: словно собравшихся окатили бассейном ледяной воды. – Незачем вспоминать прошлые ошибки. Сейчас нам нужны гарантии того, что новая генерация дальновидящих не окажется столь упрямой, и морально неустойчивой. Может ли ваше подразделение, господин главный Селектор, дать нам такие гарантии?

Мартин откинулся на спинку своего стула, и на секунду прикрыл глаза:

– Нет, господин Председатель. Наше подразделение пока, – он выделил это слово тоном, – не может дать таких гарантий. И дело не в том, что у детей способности напрямую зависят от эмоционального состояния и наследственности их матерей.

Дело – в воспитании.

Напоминаю: дальновидящие – свехвосприимчивы.

Сверхчувствительны. И чувят, видят малейшую фальшь в словах и поступках тех, кто обслуживает Ясли, и занимается их обучением. Вопрос таким образом сводится к тому, что нам вначале нужны соответствующим образом обученные, и надёжно заблокированные ментально, воспитатели. Которым мы уже потом смогли бы доверить воспитание и обучение сверхдетей. О том, с какими сложностями это связано, и какие методы и меры я предлагаю, я уже Комитету докладывал.

– Да, ваш рапорт я изучил, – Председатель похлопал по стопке листков перед собой, – Однако мы не можем позволить себе такой роскоши: вырастить вначале воспитателей. А потом доверить им воспитание собственно воспитанников. Боюсь, к тому времени и выживших-то не останется. – Председатель позволил себе чуть усмехнуться, трое же членов Комиссии подобострастно захихикали – в поддержку Шефа! – Напомню: сейчас мы куда эффективней находим старые правительственные бункеры просто по карте.

– Я в курсе. Но насколько я помню статистику, только два из двадцати одного оказались ещё населены.

– Верно, господин главный Селектор. И аргументом для меня является и то, что все три бункера, которые указали *ваши* подопечные, оказались наполнены вполне здоровым... Материалом. Да, вы и правда – предоставили нам неплохой приток рабочей силы и «мясных запасов», если так можно назвать четыре с половиной тысячи истощённых трусов.

Которые или не могли, или не хотели даже сопротивляться.

Что нам, естественно, было на руку.

А вот если б ваши подопечные могли и в будущем обеспечивать такое... Несопротивление. Или – заставить просто сдаться. Штаб и другие подразделения Сопротивления...

Марвин, посчитав, что от него ждут ответа, открыл было рот, но Председатель жестом предотвратил готовый вылиться привычный поток возражений:

– Идите работайте. Воспитание воспитателей мы обсудим в следующий раз. Пока же «воспитывайте» воспитанников. И инструктируйте имеющийся персонал так, как считаете нужным.

Чтоб всё шло в соответствии с вашим планом.

Когда за спиной мягко щёлкнул замок двери, Марвин позволил себе выдохнуть. Но – не расслабиться: в тамбуре сидели двое офицеров личной охраны. Им он просто кивнул, выйдя за вторую дверь – в коридор.

А вот уходить от этой двери он торопился не стал: коридор был пуст.

Поэтому Марвин просто встал так, чтоб видеть в обе его стороны, и переключился на внутренний слух.

– ... нет, не согласен! Он – чертовски полезен.

– Но он уж слишком много о себе воображает! И многого хочет! Мы и так пошли на огромные сложности, оборудуя

помещения, и выделяя продукты на его чёртовы Ясли! И что мы имеем взамен? – Ага. Это – начальник снабжения. – Четыре с половиной тысячи рабов? Полудохлых от истощения?

– Да, нам, конечно, пришлось подкормить их. Зато они были куда моложе и работоспособней, чем наши – ну, те, из первой и второй партии. Другое дело – я не уверен, что когда эти чёртовы супервидящие реально смогут обнаруживать людей на больших расстояниях, они и правда – хоть кого-то там увидят! Семнадцать лет – слишком большой срок!

– С таким доводом трудно не согласиться, – шелест голоса Председателя даже Марвин улавливал с трудом. Очевидно тот, подозревая прослушку со стороны «штатного» экстрасенса, сознательно старался думать поменьше. Или владел способами ставить блоки. Поэтому приходилось просто... Слушать ушами Секретаря, – Но прошу помнить и о том, что дети Марвина и правда – дальновидящие. Как он и обещал. А высылать экспедиции наугад, без точных разведанных, мы теперь не можем. Люди отлично наладили разведку – пикеты, радары, тепловизоры, беспилотники, даже спутники! – и последний караван попросту разбит, расстрелян объединёнными отрядами ближайших Общин!

– Да, сэр. Но ведь они используют технику! У них есть и боевые рапторы, и ракеты, и САУ, и даже БТР! А у нас – только автоматы да гранатомёты! И те – ручные!

– Верно. Оружие, предназначенное не для защиты подземелий – пока наше слабое место. Но не будем забывать,

что в Уставе мы сами прописали, что именно Дух является главным нашим оружием. наших бойцов и воительниц ведёт слепая вера в то, что они – самые сильные. И пусть это и не всегда так, мы-то помним, и понимаем, что материя действительно – вторична... И наши воины – не тупые фанатики, а – борцы за светлое будущее! Будущее без диктата Золотого Тельца! Поклонение которому и привело к Катастрофе! – повисла пауза. Марвин учуял спад накала эмоций.

Но Председатель, оказывается, ещё не закончил:

– Впрочем, есть ещё такой момент. Мы можем использовать воспитанников Марвина и для того, чтоб вычитать в мозгах *их* специалистов, как чинить и эксплуатировать имеющуюся сейчас у нас, но ещё неотремонтированную, технику. И в первую очередь нам нужны роботы-охранники. И ежики. Поэтому, брат Вольмар, я прошу вас проинспектировать склады в... – что ещё Председатель прикажет начальнику снабжения, Марвину узнать не довелось. Потому что в дальнем конце коридора оказался взвод инкубов.

Однако через три недели Василь – самый способный к технике мальчик из Марвинских питомцев! – начал под присмотром Марвина и брата Вольмара диктовать стенографисту «Инструкцию по ремонту и эксплуатации боевых охранных устройств типа РУО – 24 и ПОС – 10», считываемую из мозга Тувима Моруа, второго инженера ремонтной бригады при мастерских ближайшего Бункера Сопротивления. Именно его мозг оказался самым...

Легкочитаемым.

И слабым.

Сегодня Дильфуза не спешила раздеваться. Просто сидела на постели, приподняв повыше подол миниюбки, и закинув одну точёную ножку на другую. Марвин знал, что колготочки его «Личная Ведьмочка» носит неспроста – понимает, что именно этот элемент одежды возбуждает его сильнее всего остального. Вернее, не сами колготки, а именно процесс избавления от них.

– Ну, и как там твоя последняя подопечная?

– А то ты не знаешь. Шестнадцать недель. Токсикоз разыгрался вовсю. Доктор Шлемиль заходит к ней каждое утро.

– Н-да, повезло тебе...

– Что ты имеешь в виду?

– Да то, что как ни назови *это*, а по сути – перетрахал ты всех наших пленниц, из тех, кто посимпатичней! Потешил, так сказать, свой похотливый член, «научно обосновав» свою сексуальную озабоченность! – судя по тону, сегодня Дильфузе хочется пошутить. И ревность к новенькой – он видел! – поутихла. Ещё бы: теперь ему нельзя с той спать! Чтоб не повредить плоду, и всё такое...

Марвин рассмеялся.

Да, они с Дильфузой часто обсуждали его «работу», и относились к ней без должного пиетета или иллюзий. Марвин ещё в начале их отношений честно признался Дильфузе, что

с детства этим страдает: синдромом сексуальной озабоченности. Да при этом ещё как нарочно – приапизмом.

Поэтому как только «попал» в руки Конклава, на тринадцатом году после Катастрофы, сразу изложил свой «План».

А поскольку «попадание» было почти добровольным, Конклав вынужден был создать Комиссию, которая и санкционировала, рассмотрев вопрос со всех сторон, и признав разумным, приведение плана Марвина в действие.

Марвин сейчас с улыбкой вспоминал «тихие» годы после войны, проведённые на восемнадцатом подземном Уровне разрушенного сверху здания ЦРУ в Лэнгли, где числился «экспертом по связям с общественностью», а на деле – помогал обнаруживать новые ракетные базы врага, и подлодки в океанах.

Сидел он там эти тринадцать лет в гордом одиночестве – остальные вылезли, на свою же голову, на поверхность... А Марвин хорошо видел окружающую обстановку. Поэтому снова завалил и замаскировал выходное отверстие. И стал ждать. Благоприятных для себя условий. Благо, припасов хватало. Не хватало лишь партнёрш.

Довольствоваться ему тогда приходилось тремя надувными куклами. Но те, пусть и были самыми «продвинутыми», разумеется, не могли полностью...

Вот именно.

Да, он был, и сейчас оставался, самым сильным экстрасенсом в мире.

Однако он не мог не понимать, что рано или поздно от него у какой-нибудь «особенной» женщины родится ребёнок, превосходящий его способностями и силой. И если это будет мальчик – уже он будет «брюхатить» всех новых отобранных женщин.

Поэтому Марвин и старался сделать, чтоб девочек родилось больше.

Запрограммировать сперму именно так для него проблемы не представляло.

Но всё равно – приходилось иногда «заряжать» и мальчиков.

Чтоб Конклав чего не заподозрил...

Роды прошли штатно.

Девочку назвали Миерна – председатель Комиссии лично подобрал это имя. Собственно, выбор был небольшим: всех потомков Марвина женского пола называли именами, начинавшимися на букву «М» – чтоб обозначить, что это – его генерация. Марвину было понятно, что в будущем Конклав планировал и другие генерации: уже от детей Марвина.

Он не возражал, хотя и понимал, что именно это имя дано неспроста: так звалась древняя колдунья, позже убившая своих родителей – чтоб не мешали ей колдовать!

Знаменитая легенда. А если намёки Председателя и смутные опасения самого Марвина окажутся верны, очень даже может случиться так, что легенда снова повторится.

Дети со сверхспособностями капризны. Своенравны. Не признают контроля над собой. Инстинктивно противятся любым попыткам надавить на них. И очень тонко чувствуют фальшь, и страх окружающих. А уж позволить управлять собой!..

Пока же Марвин проводил медсестру с ребёнком к доке Мэсси на осмотр. Сам доктор уже не ходил по Убежищу, но оставался самым опытным и трезвомыслящим микропедиатром.

– Привет Марвин. Ну, кто тут у нас... Ага, очередной молодой мутант... Пардон: мутанточка... – доктор пошелестел убираемыми пелёнками и удовлетворённо крикнул, – Ну-ка, взглянем, взглянем... Тэк-с... пуповина нормальная. Глазёнки... Пока плавают. Всё правильно. Животик... Неплохо, Марвин. Сколько она там – три триста?

– Три четыреста.

– Неплохо, неплохо... Ну, и чего мы ждём? – это – к медсестре, – заворачиваем обратно, и несём к мамаше. Молоко уже есть?

– Нет ещё, доктор.

– Э-э, ничего. Это тоже нормально. На третий день должно появиться. А пока – соску ей в зубы. Вернее – в дёсны. В смысле, со стандартной смесью. Всё, несите.

Когда дверь за сестрой закрылась, Марвин вытащил из-под стола второй табурет, и сел. Док воздел очи к потолку, и пожевал усы. Что само по себе сказало Марвину о многом.

Так док делал только в серьёзных случаях. Нависшую тишину пришлось нарушить Марвину:

– Что, док? Настолько серьёзно?

– Да. Серьёзней некуда. Я чую. (Да и ты наверняка чувствуешь!) Напор. Собственно, мыслей как таковых пока нет, поскольку нет словарного запаса, чтоб эти мысли сформулировать и выразить. Но эмоциональный фон – будь здоров! Голод, ощущение холода после комфортного «гнезда», (когда я её развернул) желание снова попасть куда-нибудь в защищённое место... Похоже, твоя чёртова теория скрещивания мутагенов сработала.

Поздравляю. Эта коза тебя за пояс заткнёт!

Марвин почувал, как по спине потекли струйки холодного пота.

– Марвин! Она абсолютно меня не слушается! И кусается! – Рона не скрывала слёз, но и не рыдала в голос – влажные дорожки на щеках уже просто не высохали.

– Ладно. Я... Попробую её уговорить не кусаться. – Марвин взял прилично потяжелевшее за последнее время тельце на руки. Почему-то он ощущал необыкновенную близость с крохой, и знал, как ту правильно взять. И как – разместить на своей немаленькой груди, чтоб девочке было комфортно.

Впрочем – почему – «почему-то»?! Как раз – потому.

Что чувал её мысли. И эмоции. Да и «словарный запас» у малышки уже появился – «мама», «дай», «ням-ням!». И,

конечно – «пи-пи!»

Нося Миерну туда-сюда по крошечному пространству комнаты, Марвин наслаждался: от довольной Миерны буквально исходили волны блаженства и спокойствия. Но это не мешало ему думать, что через пару месяцев нужно всё-таки отнять малышку от груди. И тогда Рона снова сможет забеременеть. По идее. А ещё он думал, что если у Роны будет второй, это наверняка будет мальчик.

Который превзойдёт и Марвина и Миерну.

Так что придётся выждать, когда пройдёт хотя бы пара лет – тогда снова родится девочка! Он всё ещё полагал, что с девочкой ему будет легче. Однако крошечный червячок сомнений в потаённом уголке подсознания вопил не переставая: «Самоуверенный баран! Не будет тебе легче! Малышка уже сейчас проявляет свой крутой нрав! Её – не «проконтролируешь!»

Но пока Марвин велел голоску банального страха заткнуться, и ему доставляло удовольствие «выплёскивать» на крошечное существо в его больших тёплых ладонях ту приязнь, ту нежность и любовь, которые он к ней ощущал.

А хороша она у него!

Огромные тёмно-синие глазищи в поллица, пухленькие розовые щёчки, крошечный ротик – уже с девятью зубками-рисинками! Лапочка, да и только!

Он поймал себя на том, что умильно бормочет вслух:

– Ах ты моё солнышко! Ну, лежи, лежи! – Миерна и прав-

да, вольготно распласталась, прижавшись к его тёплой груди. – Малышка Миерна сейчас будет спаточки! Вот, сейчас-сейчас. А папа споёт ей колыбельную!..

Колыбельных Марвин знал всего две. Но как правило Миерна успевала заснуть до того, как он заканчивал второй куплет второй песенки.

Когда он «упражнялся в вокале», Рона обычно не могла сдерживать гримасы: Марвин видел, что ей с одной стороны – не нравится, как он поёт, а с другой – она ревнует и сердится. Что на руках Марвина девочка ощущает себя комфортно и спокойно.

– Осторожно. Накрой её полотенцем, – он бережно уложил малышку в детскую кровать, стоявшую теперь тут же, в углу комнаты Роны. Рона уже подошла с полотенцем в руках. Накрыла аккуратно. Губы кусала молча. Марвин и сам видел, что не всё в порядке. И женщина обеспокоена, если не сказать сильней. Но она в последние недели научилась, если не ставить блок, то сильно мешать Марвину видеть свои мысли и чувства. Но, разумеется, самые сильные скрыть ей не удавалось. Марвин спросил:

– Что на этот раз?

– На этот раз разозлилась на то, что я сказала, что – хватит. В-смысле, сосать. Она, кажется, уже должна была наестся... Ну, я и подумала, что... Она ударила меня сюда. – женщина показала виски, – Было так больно! И ещё я чуяла её мысли: «Ах, тебе молока для меня жалко! Ну так – вот

же тебе!» А мне было не жалко. Просто док сказал, что перекормливать нельзя: будет толстенькая, и когда начнёт ходить, ножки начнут портиться, и выгнутся колесом! Мы же не хотим кривоножку?

Марвин походил из угла в угол. Покивал, хмуря брови. Сказал:

– Я разделяю твои невысказанные опасения, – он постукал пальцем себе по виску, – Но тут – даже я бессилен. Если я попробую что-то ей внушить – будет только хуже. Девочка очень... Чует, когда ей пытаются что-то навязать. Ну, собственно, она чувала это даже когда слов ещё не знала – телепатка же! Считывает эмоции и тайные намерения...

Плохо.

– Да уж куда хуже! Она теперь пачкает пелёнки куда чаще, чем и правда – хочет пи-пи. Думаю, тоже – в знак протеста! Понимает же, что мне неприятно, когда воняет! – о патологической нелюбви Роны к резким запахам Марвин знал с момента знакомства. Прочсть про это и сотни других привычек, прибабасов и комплексов, ему-то труда... Особенно вначале, когда её разум лежал перед ним открытым. Н-да.

– А ты не пробовала внушить ей, что любишь её? Несмотря даже на то, что она вот такая – капризная?

– Пробовала, конечно. Но... Сам знаешь: она чует и мои сомнения. В том, что я люблю её. И даже корчит мне рожи. Ну вот в точности – как ты сейчас.

Марвин убрал с лица гримасу недовольства (И как это она

туда прорвалась!..):

– Я стараюсь контролировать эмоции. Ну, вернее, внешнее их проявление. А она – ещё мала. Не понимает. А если и дальше так пойдёт, то и не поймёт все эти людские сложности. Общения. Да и зачем ей это может быть нужно, если она, скоро, похоже, сможет просто убивать тех, кто делает ей плохо? Убивать только силой мысли!

Поэтому нам и нужно постараться внушить ей, что тогда вокруг неё не останется тех, кто желает ей добра – то есть, нас. И ей будет плохо. Ведь остальные просто убьют её. Во избежание.

– А они и правда – могут?..

– Могут. – он вспомнил гнусные рожи, щурящиеся на его доклады из-под своих чёртовых клобуков, – Они боятся. Даже сильнее, чем боюсь я сам. Хотя я прекрасно понимаю, кого мы с тобой родили. И сейчас пытаемся вырастить. И воспитать.

– Знаешь, Марвин, иногда я и сама так боюсь. – Рона сцедила пальцы перед грудью так, что побелели костяшки, – Да что там – иногда – всегда! И вот ещё что. Я...

Вряд ли смогу – как ты. Скрывать свои подлинные эмоции и чувства: её ведь не обманешь! Мои жалкие блоки, похоже, работают только против тебя. А вот её так... Я...

Не могу заставить себя любить это, это... Маленькое чудовище! И я...

Боюсь её! Наверное, даже сильнее, чем твои придурки из

Конклава!

Поэтому, если хочешь, чтоб мы обе остались живы – убери её куда-нибудь!

Идя по коридору, Марвин кусал губы, одновременно пытаясь заставить себя прекратить это.

Но губы спустя минуту-другую всё равно оказывались прикушены почти до крови, и болели – это он старался мыслить трезво и логически. Но ничего пока не получалось.

Да и кто – верней, какой отец! – смог бы тут мыслить логически?!

Разумеется, Миерна чует отношение Роны к себе!

Да Рона почти и не скрывает свои эмоции и чувства – страх, боль, отвращение, даже – ненависть... Ненависть к той, что может сделать ей, взрослой женщине – больно. И даже, когда станет посильней – убить! И не только за то, что не покормила.

А и – просто так! Из детского каприза!

Нет, если он хочет сохранить их обеих, пора и правда – разделять «девочек»!

Войдя в приёмную, Марвин всё уже видел. Босс здесь, и ждёт его. Но он всё равно сказал секретарю:

– Будьте добры, доложите, что пришёл главный Селектор. Мне необходимо срочно переговорить с Его Святейшеством.

Нужно снова собрать волю в железный кулак, и постараться убедить Главного, что убивать Миерну – не выход. (Иначе

теряется смысл во всём Проекте!..)

И что он готов принять ответственность...

За жизнь и воспитание изолированной от всех контактов девочки.

Часть 3. Рольф

Рольф

Я смотрел, как он подходит.

С виду – ничего особенного. Мужик как мужик, лет сорока пяти. Высокий, стройный. Широкий в плечах, но видно, что не слишком мускулистый – нет той упругости и целеустремлённой силы в движениях и походке. Не-ет, этот Марвин – явно силён не мускулами!..

Зато оказалось, что черты лица приятны. Не красивы – а именно приятны. Немного портит впечатление шрам, проходящий через всю левую щёку. Ещё ощущается уверенность в себе и какой-то внутренний стержень. Ничего не скажешь – характер!

– Здравствуй, Рольф. Ты прав, конечно – моя сила не в мускулах. – увидев, как расширились, чисто инстинктивно, мои глаза, он пояснил, – Вот именно. В этом самом. Ну, да ты должен понимать, от кого моя дочь переняла свои способности... Я – Марвин.

– Здравствуйте, Марвин. Да, Миерна мне сказала. Вы не будете против, если я вас обыщу?

– Нет, конечно. – он поднял руки и стоял, пока я делал обыск – символический, разумеется: я прекрасно понимал,

что сильный менталист вроде Миерны или её отца не нуждается в оружии, чтобы даже убить меня – таким как они достаточно маленького мысленного усилия.

Я отступил. Выдохнул. Спросил:

– Почему вы сдаётесь?

– Потому что у меня нет иного выхода. Если я не остановлю свою дочь сейчас, её уже никто не остановит.

– А вы и правда, надеетесь её остановить? – я не скрывал скепсиса.

Марвин вдруг изменился в лице. Побледнел, позеленел.

Похоже, малышка Миерна взялась за него серьёзно. Я молча смотрел, как он отступает: пятится по коридору, схватившись за горло и делая такие движения, словно глотает воздух – как воду. Поэтому я сказал-подумал внутри себя:

– Миерна. Может, конечно, он и козёл, и не был любящим и заботливым папочкой в той степени, как ты хотела бы... Но ведь и ты – не ангел. Вдруг у него реально – есть какие-нибудь серьёзные оправдания?! Отец же твой всё-таки – наверное, раньше-то и любил и нянчился с тобой. Может, пока не будешь убивать его? И вот ещё что...

Пожалуйста, перестань без спроса использовать мой мозг как «промежуточный усилитель»!

В голове я услышал её рычание.

Потом вздох.

Наконец она, словно очнувшись, ответила:

– Ты прав, конечно, Рольф. И хоть я вижу, что на самом

деле тебе неймётся допросить моего папочку, определённое беспокойство за... Меня – ты испытываешь. Хотя бы за то, чтоб я не перенапряглась, взламывая защиту этого гада...

Ладно, пусть пока поживёт.

Только – не подводи его ближе километра к моей комнате!

– Докладывайте, капитан.

Я оглядел суровые серые лица офицеров, и подумал, что наверняка и они уже поняли всю сложность и щекотливость ситуации, в которую мы все попали.

Да, малышка Миерна может просто убить нас, не особо напрягаясь, и единственный, кто может как-то хотя бы попытаться заблокировать её силу – это её папаша.

До сих пор – наш лютый враг.

А сейчас – вынужденный союзник. Который пришёл «все-го-навсего» убить дочь.

– Есть, докладывать, сэр. Марвин честно сказал, почему он вышел и сдался. Ему приказал Конклав. Ну, вернее, специальная Комиссия по вот таким, тщательно селекционированным и воспитанным детям-супертелепатам. У них уже было несколько спорных и критических случаев. Неповиновения со стороны таких вот детей. Мысль о том, что если они сами не смогут использовать её, то нужно подбросить девочку тем или иным способом к нам, собственно, как раз Конклав и высказал. Она просто опередила их.

Они были в ужасе: чтоб ребёнку, пусть и самому сильно-

му, удалось заставить ведьму, что её курировала, посадить её туда, во внешнее подземелье, и таким образом перейти на сторону врага – о-о! Чепэ!

Поэтому Марвина просто поставили перед фактом: или ты убьёшь свою дочь, или мы убьём тебя и остальных. В смысле, твоих женщин и детей. Достать обещали из-под земли. В буквальном смысле. А Марвину, собственно, деваться некуда: там, в подземельях Улья, его дети и их матери без него – фактически беззащитны.

А детей уже больше сотни.

– И что, все они обладают способностями, как у... нашей подопечной? – паузу прервал заместитель начальника штаба, желваки на скулах которого играли особенно сильно.

– Нет, разумеется, сэр. Марвин сказал, что таких способностей и сил пока, – он это подчёркивал, что – пока! – больше ни у кого из его детей нет. Но гарантировать он не может ничего. Потому что пятеро из его последних – ещё младенцы нескольких месяцев отроду. И хотя их фон, как он его называет, есть, и весьма сильный, это – не гарантия того, что дети смогут стать как Миерна, когда подрастут. Раньше, как сказал Марвин, до двух-трёх-четырёх лет дожило только трое столь сильных детей.

Остальных убили собственные матери.

Это в тех случаях, если сами дети раньше не убивали этих матерей... И нянечек.

Тогда таких, вышедших из-под контроля, по приказу этой

самой Комиссии, ликвидировали.

– Не могу их не понять. Кому же охота быть убитым капризным сосунком... – жёлчи в голос начальник снабжения не подпустить не мог. Генерал, сидевший во главе стола, повернул голову, и взглянул на офицера. Тот поспешил заткнуться, накупившись и откинувшись на спинку стула.

Генерал спросил:

– Капитан. Чем сейчас Миерна и её отец могут угрожать нам?

– Смертью. – я не стал ходить вокруг да около, а выложил сразу главное, – Миерна может убивать с расстояния до десяти миль на поверхности, и нескольких сотен метров – под землёй. Мы сейчас в трёх милях от той камеры, где она содержится. Марвин – в двух. От нас. А от дочери – в пяти. Но он гораздо, гораздо слабее своей дочери. Не думаю, что он нам опасен. Его «сдача» – явно жест отчаяния со стороны его хозяев.

– Капитан... – Председатель Комитета объединённых Штабов ослабил галстук, словно ему не хватало воздуха. – Рольф. Как вы считаете, почему всё-таки они приказали ему убить её? Ведь они не могут не понимать, что в этом смысле как раз у неё куда больше шансов?

Я, в который раз оглядев убого обставленную казённой мебелью тесную комнатку, в которой всегда проходили совещания, не мог не согласиться с генералом и в этом, и в смысле микроклимата: действительно, после двух часов предва-

рительного совещания старших офицеров нашей Общины, и тех, кто прибыл из Центрального Штаба, здесь было весьма душно. И влажно. Запах страха и напряжение буквально висели тут же – словно дым от сигарет. То есть, это было так, когда ещё оставались сигареты. Сейчас-то их никто не видел чуть не десять лет.

Мне здесь тоже не нравилось, но жаловаться грех: я эти два часа сидел в приёмной. Наконец дождался вызова. И вот теперь...

Вынужден отвечать в десятый раз на одни и те же дурацкие вопросы, на которые ответа нет. Да и быть не может.

Потому что речь идёт о супер-оружии такого типа, с которым мы прежде не сталкивались. Мало того: даже не подозревали о его существовании! И речь теперь не о конкретных делах, операциях, или Приказах.

А об эмоциях. Да ещё таких неоднозначных и запутанных...

Которые дочь и отец испытывают друг к другу.

И именно это сейчас и является главным Фактором для обеспечения нашей победы. Над ведьмами.

– Да, сэр. Как мне кажется, здесь дело в тактике. Члены этого Конклава не могут не понимать, что Миерна – слишком сильна. И если раньше её отец старался убедить их в том, что уж он-то сможет контролировать своего ребёнка... Ну, хотя бы с помощью того факта, что дети обычно слушаются мать и отца. Да и просто – старших. Но сейчас...

После смерти матери Миерны, она этого самого отца просто возненавидела. Так что контролем уже не пахло. И кураторши-ведьмы, как ни старались, успеха в управлении поведением супер-ребёнка добиться не могли.

Вероятно, именно поэтому члены Конклава и решили, что в принципе, неплохо будет просто подбросить её нам. Вы же помните легенду о Троянском Коне? Ну так вот: девочка – их конь. Поскольку сами они с ней потерпели полный крах, и попросту боятся. И теперь они бы хотели, чтоб *мы* тратили наши силы, время и ресурсы на то, чтоб попытаться подчинить себе Миерну. Или хотя бы договориться с ней.

А договориться с ней можно только об одном.

Она хочет быть Королевой!

Ну а мы, соответственно, будем жалкими подданными-рабами в её королевстве!

Совещание затянулось ещё на три часа.

Пропотев, и отболтав язык в попытках объяснить, почему я считаю, что Миерна хочет именно этого – неограниченной власти! – я двинулся по центральному коридору Убежища к месту, где содержали нашу главную свидетельницу. По делу о самой себе.

Примерно за километр я её услышал, а метров с пятиста стало возможно нормально разговаривать. Я спросил в лоб:

– Почему ты считаешь, что твою мать убил твой отец?

– А кто же ещё?! Я знаю! Это он! Он сам признался – ну,

вернее, я увидела! – что изнасиловал её. А потом, когда я уже родилась, злился на неё. Потому что она, как мать, должна управлять мной. Моим послушанием. И поведением. И что-то там ещё я должна была по её указке делать – ну, видеть выживших людей, где они скрываются, и всё такое... А она не могла. И когда он понял, что мать не справляется со мной, он и убил её!

– А сам он? Сам он не пробовал... Справиться с тобой?

– Пробовал, конечно. Только я уже видела, чего он хочет на самом деле.

– И чего же?

– Власти.

– Как это? Он что, был подчинённым?

– Ну да. Хоть и формально, но он вынужден был подчиняться этим старым пердунам из Комиссии и Конклава. Вот он и хотел, чтоб я их всех поубивала, а он стал как бы...

Неограниченным Повелителем всех Ведьм и Инкубов!

Марвин

К камере Марвина мне пришлось подобраться шагов на двадцать – только так его оказалось более-менее прилично слышно.

– Марвин. Марвин! Это я, Рольф.

– Вижу. – голос равнодушный и усталый. Словно мужчина отчаялся.

Да и правда: тут любой бы отчаялся! Знать, что тебя может в любой момент прищёлкнуть, словно вошь ногтем, родная дочь!.. Которая к тому же тебя люто ненавидит.

– Я хотел спросить. Пожалуйста, не обижайтесь. И не посчитайте с моей стороны нетактичным. То, что говорит Миерна о смерти вашей жены – её матери – правда?

Марвин молчал. И я уж было подумал, что он и не ответит. Но он сказал:

– И да. И нет.

После ещё одной паузы он продолжил. И мне пришлось взломать дверь каптёрки с запасами тканей и ниток, и зайти внутрь: если бы кто-нибудь заметил, что я отираюсь возле камеры с важным заключённым... Про меня могли бы плохо подумать.

– Миерна считает, что это я виновен в смерти Роны. Раньше я и сам так думал – сразу после её смерти. Но позже, когда смог на трезвую голову разобраться, что творилось в го-

лове моей, как вы выразились, жены, я переосмыслил свою роль. В её смерти.

Конкретно – убийцей, назвать меня, всё же, наверное, нельзя. Скорее, можно сказать, что её смерть произошла из-за моей непредусмотрительности... Я, разумеется, полностью осознаю, что если бы я вёл себя по-другому... Возможно, смерть Роны удалось бы отсрочить.

Но – не предотвратить.

Объяснить что-либо этакое, из жизни телепатов, такому, извините, простому и привыкшему к конкретным действиям парню как вы, весьма трудно. Но я всё же попробую. – теперь я услышал его мысленный как бы вздох. Но голос оставался чётким, спокойным, и с отличной дикцией – ещё бы! Он же не говорил в обычном смысле этого слова. А – мыслил:

– Когда малышка Миерна подросла, и стала требовать больше молока, или – более частой замены пелёнок, или ещё больше всяких ладушек-прибауток-подбрасываний, и всего прочего, что нравится грудничкам, мы посчитали это за капризы балованной девочки-младенца. Рона попыталась – ну, по моему совету – не давать ей грудь в те моменты, когда ей казалось, что девочке уже достаточно молока. Так советовал и доктор: перекармливать младенца опасно: ножки станут кривыми, потому что не смогут держать непропорционально большой для них вес! Да и ни к чему нам было, чтобы ребёнок стал полным. А она и так пошла складочками...

И вот тогда Миерна стала мать бить. Нет, не ручками – а

мысленно. Там, в голове у Роны словно взрывались бомбы и растекался расплавленный свинец... Миерна могла сделать, и делала матери очень больно. А Рона не могла защищаться – она так и не освоила методику блоков, которую я ей...

Словом, когда Рона сказала, что больше так не может, я обратился к Комиссии, и они разрешили разделить их. Во избежание. Потому что у меня уже были прецеденты: два моих сына убили своих матерей. Мысленно. И ещё три матери задушили своих – ну, вернее, моих! – детей. Потому что не могли больше терпеть эту адскую боль! Ведь с тренировками и возрастом силы детей-менталистов растут! Как и потребности. И понимание мира...

Когда мы разделили Рону и Миерну, вначале всё шло как обычно: нянечка из людского персонала её вскармливала. Искусственной смесью, и молоком, которое сцеживала Рона. Я каждый день заходил, возился, играл. Укладывал.

Рона нервничала – подсознательно она чувствовала вину. Ну, за то, что не может быть как все нормальные матери – с ребёнком. И ещё я видел там, у неё глубоко внутри, что она и правда: считает нашу дочь – монстром. А себя – чуть ли не пособницей ведьм и Конклава...

Я пытался объяснить, что она как раз – нормальная мать. И ребёнок нормален. Ну, по-своему... Физически-то у Миерны всё было в порядке.

Всё случилось, когда меня послали... В командировку. Конклав тогда обнаружил и взломал Убежище в Карпатских

горах, севернее нашего Убежища, и гораздо дальше, чем мы обычно забирались раньше.

И я должен был отобрать себе новых кандидатов.

Когда вернулся через неделю, узнал, что Рона вскрыла себе вены на руках маникюрными ножницами. Обнаружили её смерть слишком поздно: реанимировать не удалось. Записки, или чего ещё, она не оставила.

Но когда я потом просмотрел мысли и воспоминания Миерны, понял...

Это она доставала Рону. Ну, расстояние оказалось слишком маленьким. И Рона попросила у Конклава о переводе. Подальше. Но члены Комиссии посчитали, что опасности нет. И оставили всё как есть. А Миерне не хватало *этого*... Ласки, заботы. Тёплых рук. Игры. Укладывания с колыбельной... И всего такого, чего хочется ребёнку.

И чего, смею надеяться, в какой-то степени давал я.

Вот она и кричала. Мысленно. Злилась, капризничала. Приказывала – ну, так, как привыкла...

А Рона не смогла этого вытерпеть.

И я...

Тут Марвин замолк совсем уж надолго.

Я тоже придерживал свои мысли и высказывания при себе. Они явно были бы не в тему. Да и кто смог бы в такой ситуации высказаться «в тему»?!

Марвин всё же сказал:

– Вы верно поняли, Рольф. В смерти Роны виноват я. И

Миерна. Но Миерну я не могу винить – она ведь была ребёнком! (Собственно, она и сейчас – ребёнок!) Тогда она ещё не контролировала своих желаний. Не понимала – почему нельзя *всего*! И – сразу.

Но не могу же я объяснить родной дочери, что она неумышленно довела свою мать до самоубийства!

– Простите, Рольф. Мне очень жаль вашу жену. Рону. Но... Вы предпочитаете промолчать, и чтоб ваша дочь – убила вас... Тому, чтоб рассказать ей о том, *как* всё произошло?!

– Ну... да. Да. Потому что если я расскажу, у неё может остаться комплекс на всю жизнь. Может, она после такого известия и жить-то не захочет! А она... Дорога мне.

– Пойдите-ка, Марвин. Насколько я понял, у вас ведь – сотни детей?

– Ну, не сотни, конечно. Но – да, близко к этому. И я понимаю, о чём вы хотите спросить. Нет – Миерна – не одна из этой моей сотни.

Она – единственная. Уникальная. Как бы вам...

Вы читали Льва Толстого «Войну и Мир»?

– Нет.

– Хм-м... Словом, он, этот писатель, написал около ста романов, но «Война и Мир» – вершина его творчества. Квинтэссенция писательской мысли. Шедевр, потребовавший всех сил. И бессонных ночей, и творческих, так сказать, терзаний... Миерна для меня – моя «Война и Мир». Она и

досталась мне тяжелей, и к матери её я испытывал что-то особенное. Хотя и понимал, что она куда глупее даже многих наших ведьм и пленниц...

Нет, не получается объяснить!

– Почему же? Всё очень даже понятно. Миерна – ваша любимая дочь. Наследница сил и способностей. Сильнейший в мире экстрасенс на данный момент. Дальновидящая, как вы её назвали.

Вы гордитесь ею.

И вы хотели бы любой ценой сохранить её жизнь. И ради такого дела даже обманули Конклав. Который хотели свергнуть. С помощью дочери.

– Это она вам сказала? Хм.

Да, было такое дело... Но это было давно, когда ей ещё не исполнилось четырём. Потом я понял – бесполезно брать власть над ведьмами. С Миерной, или без неё – их Колония обречена на уничтожение! Вы сейчас – гораздо сильнее.

А насчёт обмана...

Я не обманул Конклав. Я понимал... Или мне казалось, что понимаю – *такую* нельзя оставлять в живых! Потому что она ещё не понимает всего. Но уже привыкла к тому, что ей всё дозволено. И что она может подчинить своей власти всех.

И, понимая свою силу и безнаказанность, наверняка *захочет* захватить в свои руки власть над *всеми* людьми. Вернее – над теми, кто остался в живых.

Поняв это, я не протестовал, когда Комиссия постанови-

ла применить к ней обычную Программу для «воспитания» непослушных детей...

Мне, конечно, было стыдно. Но я и сам...

Боялся.

Что не справлюсь!..

И я действительно думал, что смогу, возникни критическая ситуация, убить её!

Но сейчас вижу, что мне не справиться.

Что же до моей жизни, Рольф...

Она больше не имеет для меня никакого значения.

Миерна

К Миерне близко подбираться не пришлось – снова я спрятался в складе запчастей, примерно в полукилометре от её бокса, и позвал оттуда:

– Миерна! Миерна!

Миерна, как оказалось, спала. И я разбудил её.

Услышал вначале что-то вроде вздоха, и «мысленного» потягивания. Затем вдруг:

– Постой-ка, Рольф. Что это за плакат сейчас мелькнул у тебя в мозгу? Ну, тот, где что-то написано. И красивая женщина рядом с какой-то уродкой?

– Это – не уродка. Эта та же самая женщина, но до курса нанопролонгирования.

– Чего?

– Ну, на плакате написано: «Всего одна инъекция!». И показана женщина до курса лечения от старости, и – после. Разумеется, изображение подретушировано, но курс этих нано-фигней и правда – здорово омолаживал. И лицо, и всё тело!

– А зачем это было нужно?

– Ну – как зачем?! Пф-ф!.. Все женщины хотят выглядеть моложе своих лет. Особенно старые и состоятельные... Ну, такие, которые привыкли, что все ими восхищаются. И это ощущение стало – вроде наркотика. Когда хочется ещё и ещё

– оваций, восторгов, и адреналина... А возраст уже не позволяет выдрючиваться, как раньше.

– А почему тебя трясёт, когда ты... Думаешь об этом?

Я не нашёлся сразу, что ответить на это. Потом подумал: а покажу-ка я ей!

С самого начала. Как помню.

Всё это...

Снова встали перед глазами сцены из детства: вот передачи по ящику, пропагандирующие этот «безопаснейший и замечательный способ, без каких-либо вредных последствий или побочных эффектов!» Реклама на улицах: гигантские стереоплакаты, и уличные рекламные ролики в телевизорах в каждой витрине... Мать ругается с сестрой, которой хочется «омолодиться, превратиться в неопишумую красавицу, и стать Звездой ТиВи!» – а ей тогда ещё не исполнилось даже пятнадцати!.. Дискуссии, дискуссии, дискуссии умных дядей в том же ТиВи, с серьёзным видом уговаривающих безмозглых дур не поддаваться рекламе – «Последствия *пока* ещё не сказываются. Потому, что прошло слишком мало времени!..»

А способ оказался очень дешёвым, доступным и простым. Работать с нанопролонгаторами могли любые, даже малообразованные врачи – буквально коновалы: чтоб всадить иглу в десяток определённых точек на теле, и ввести по расчётной порции янтарной жидкости, много ума не нужно!

И вот через считанные дни после всех надлежащих медицинских проверок и «опробования на добровольцах», на всех перекрёстках крупных городов и столиц торчали живые «гамбургеры» с адресами ближайшего салона. И, конечно, огромные телеэкраны с мощными динамиками на небоскрёбах – транслирующие приятные «проникновенно-убедительные» голоса дикторов:

«Всего одна инъекция!

И вы будете выглядеть лучше, чем ваша собственная дочь!»

Краткий период восторгов и оваций...

И никто не догадывался, что теперь чёртовы «омоложённые» могут летать, (За что, собственно, их и окрестили в просторечье – ведьмами!) обладают сверхсилой, и даже способны переговариваться – как бы телепатически... Нет, не так, как Марвин или Миерна со мной. Не *словами*. А, скорее, на уровне эмоций: «Ну что – захватим эту чёртову планету под свою власть?!»

Не знаю как, и откуда – но ведьмы-то знали...

Что смогут ментально управлять теми, кого укусят!

Тому, что прошедшие Курс Нанопролонгации красотки как-то очень быстро объединились в «клубы по интересам», никто значения не придал: ну хотят потрепаться дамочки о своей новой, подправленной, внешности – и пожалуйста!

Никто же не догадывался, о чём они там в действительности «треплются»...

С теми, кто позже превратился в инкубов, было полегче: мужчины, старые и богатые – куда консервативней. И тех, кто прошёл курс, оказалось гораздо меньше, чем женщин. Но и они не спешили показывать, на что способны. Или объединяться в клубы.

Затем пошли картины паники и хаоса, когда все, уже весьма многочисленные, «инъецированные» красавицы, словно сбесились, просчитали ситуацию и свои действия, и показали, на что способны. И, словно (Впрочем – почему – словно?! Они – и сговорились!) сговорившись, начали кусать ни о чём не подозревающих сограждан.

Прямо на улицах, в домах, на рабочих местах, в метро...

Приступы «внезапной немотивированной агрессии», как их вначале протоколировала полиция, как я сейчас понимаю, были очень даже мотивированными. Нашего соседа, например, заразили очень просто: какая-то юная красотка, чарующе улыбаясь, попросила сказать, сколько времени. А когда он поднёс часы к лицу, попросилась взглянуть на его «ух-какие-они-красивые!» часы лично. Ну как отказать!.. А она этак невзначай, походя, куснула его за мизинец... И – всё. Через пару часов бедняга превратился...

А перед этим только-только успел рассказать мне, как что было, и попросить позвонить в полицию и девять-один-один. Стадия «превращения» происходит отвратительно: в конвульсиях, с рвотой, и потерей сознания... И пусть сосед не успел полезть на меня, уж я насмотрелся, пока не приехала

полиция и скорая помощь.

Санитары привязали беднягу к носилкам. Увезли.

Но вскоре они уже не успевали ездить по вызовам.

Так случилось и с сестрой и с матерью, и с тёткой – к ним уже никто не приехал.

Я... Просто убежал из дома – не убивать же мне своих родных!..

Продуманные и согласованные действия ведьм очень быстро привели к массовой эпидемии.

Зомби-мертвяки захватили улицы. (Счастье ещё, что их укус был не заразным. Они-то людей просто... Поедали!) Большие города уже ничто, никакие зачистки или карантинны, или эвакуации, не смогло спасти от повального безумия!..

Все побежали.

А твари преследовали.

Нет, не так: твари бежали вместе со всеми, и улучив момент, кусали исподтишка. Во время ночёвки. На привалах. Если кто-то бежал на машине – раскладывали на дорогах ленты с шипами. Потому что в числе первых «перекусанных» оказались полиция и армия. Ведь ведьмы сохраняли разум. А их хитрость, кажется, совершенствовалась. И хотели они лишь одного: чтоб «нормальных людей» не осталось.

А остались лишь их рабы!

Наконец всплыл в памяти и тот момент, когда я, маленький и потерявший всех и всё, что можно потерять в дет-

стве, бегу сломя голову. Бегу, глотая слёзы, и жалобно подвывая, по полупересохшему бетонному руслу городского канала, где раньше просто баловался: покуривал втихаря, играл с друзьями в «Терминатора» и «Гарри Поттера», запускал кораблики... Словом, делал всё то, что делает девятилетний шалопай, в очередной раз прогулявший школу.

А сейчас просто пользуюсь тем, что мертвяки эту дорогу из города не знают.

Затем вижу огромный гриб чёрного облака, поднявшийся за спиной. Понимаю: ядерный взрыв! И стараюсь залезть в какой-то овраг, вернее – оросительный канал, чудом оказавшийся поблизости, потому что вокруг уже – поля с кукурузой. И пшеницей...

В овраге я оставался всю ночь, и последовавшие затем сумерки – то, во что превратился день. К счастью, радиоактивное облако ушло в другую сторону: ожогов или язв на коже не появилось. Не то, что у многих, которых я встречал затем, во время своего краткого, но наполненного отчаянием, странствия. Пока не попал в Штаб Соппротивления.

Они и объяснили мне, что война – глобальна. Затронула всю планету. И теперь выжившие даже не могут установить точно – кто и почему её начал...

Ясно только одно: убить *так* всех ведьм – всё равно не удалось!

– Довольно, Рольф. Я видела всё, что хотела. Но... Ты ведь идёшь от моего отца?

– Да.

– Я вижу и то, что он тебе сказал. И даже то, что при этом думал, не сказав. Рольф! Я сейчас вижу и ещё кое-что!

Быстрее! Свяжись со своим начальством – пусть немедленно пошлют кого-нибудь в его камеру! Он...

Кажется, хочет отправиться за моей матерью!

Отделение десантников всё равно опоздало.

Марвин успел задохнуться.

Повесился он на сплетённых в канат полосах, на которые порвал свою нижнюю рубаху.

Я вышел из каморки, где находился всё то время, пока пытался через транслятор достучаться до своего начальства, объясняя, что опасность – немедленная, а информация – достоверная. Из первых рук, так сказать...

Миерна молчала. Похоже, ей нужно было многое обдумать.

Я не стал мешать. Двинулся снова назад – посмотреть на её отца.

Ничего спокойного и серьёзного в нём уже не было.

Посиневшее лицо с выпученными глазами, и вывалившийся изо рта чёрный язык: смотреть на погибших от асфиксии неприятно даже нам, охотникам. Насмотревшимся, как это говорится, и не на *такое*...

Док, с которым я столкнулся в дверях камеры, покачал головой в ответ на мой невысказанный вопрос.

Ну и ладно.

Всё понятно и так.

Примерно через час я ощутил слабый, но отчаянный зов.

Бросив на столе обеденного зала недоеденный обед, бегом кинулся снова к складу: понимал, что что-то срочное.

И точно.

– Рольф! Я вижу, что сейчас происходит на совещании Комитета Объединённых Штабов. Скоро они передадут своё решение сюда. По радиии.

– И что же они решили?

– Они вынесли мне приговор. Сегодня, когда я засну, взвод ликвидаторов прилетит на вертушке. Затем подберётся к моей комнате, и впустит через вентиляцию газ.

– Вот ...дарасы! Ты же – маленькая девочка! – я невольно вспомнил нашу первую встречу: эти огромные глазищи, растрёпанные волосы, тоненькие, как жёрдочки, ручки...

Нет, такой судьбы она, каким бы ни казалась чудовищем, не заслужила!

– Спасибо, Рольф. Но... Если ты и правда, хочешь спасти мне жизнь – помоги мне сбежать отсюда! Я... не хочу никого здесь убивать! Но и сама... Жить хочу!

– Миерна! Ты же легко читаешь в головах. (Именно поэтому и сама сейчас мыслишь и говоришь трезво и рационально – как взрослая!) Ну будь же ты реалисткой: к кому ты побежишь?! Конклав ведь тоже приказал тебя убить!

– Да, я знаю. Главари Конклава – тоже обычные люди. А они так уж устроены.

Боятся всех, кто хоть как-то отличается от них... Вечно подозревают. (И не без оснований, как ты мог заметить!) Да: я реалистка. И не могу не понимать, что в моём-то случае их, да и твоего начальства, опасения – *абсолютно* оправданы!

Раньше я и правда – собиралась стать Королевой. Ну, или почти королевой. Отомстить им. Отомстить отцу. Ну, за то, что позволил сволочному Конклаву разделить нас после смерти мамы... И не препятствовал, когда кураторши меня в «воспитательных» целях морили голодом, глушили сиреной, оставляли в темноте, «подавляли» усыпляющим газом...

Вот я и хотела – доказать всем! Стать Правительницей. Ну, номинальной.

Правили бы, конечно, всё равно мужчины – офицеры и администраторы. А я бы просто сидела. На троне. И – *как бы* повелевала... Такая вот честолюбивая мечта наивной девочки.

Да кто из девочек не мечтает стать принцессой и королевой?!

На это я не нашёлся что возразить.

Да, наивно. Но, наверное, приятно согревало её обречённую на одиночество и непонимание душу, когда её пытались «воспитать-в-послушании-направить-и-про-контролировать». Тыркали из одной камеры – в другую. И из одной крысячей дыры в...

Но ведь она и правда – очень сильна. Опасна. И сама это знает. И знает, что и Конклав, и наше начальство её боятся так, как не боялись даже бомб и ведьм!..

И – никогда они не поверят в то, что она не будет никого убивать...

– И куда конкретно ты собралась бежать?

– На юг. В Египет. Там – я вижу! – теплее. Появляется и солнце. И можно будет кушать то, что смогло вырасти: финики и бананы уже почти незаразны. И есть рыба.

Я почесал в коротко стриженном затылке. Логично, конечно... Только вот как она сможет добраться туда, к побережью Африки – через равнины, леса, реки и горы, по которым до сих пор ходят мутанты-росомахи, гигантские лисы, и гиено-волки...

– А вот здесь я хотела бы... Попросить тебя, Рольф, пойти со мной!

– Миерна, ты что – дура?! С чего бы это мне – идти с тобой? Да ещё на почти верную смерть?! Если нас и не сожрут дикие звери-мутанты – ты же говорила, что там и людей-то не видишь! – как мы сможем выжить – вдвоём?!

– Ну, выжить с твоими-то навыками нам как раз было бы нетрудно. А причина... – я почувствовал, как эта не по годам прагматичная крошка буквально превозмогает себя. Сейчас, вот чует моя задница, она мне скажет!..

И точно.

– Я, Охотник Рольф... Стала бы тебе женой! Родила детей

– наследников твоих и моих. Генов. И способностей.

Ну, со временем, конечно!..

Вот уж сказала, так сказала!

Я на какое-то время просто застыл. Словно кусок телячьего студня.

Гос-споди!!! Иметь в жёнах девочку, которая на двадцать пять лет меня моложе! Да ещё может читать мои мысли! И вертеть моей головой... И...

Да, то, что эта паршивка испытывает что-то этакое ко мне, я, как ни странно, тоже чувствовал. (Вот! Вот до чего доводит долгое общение с телепатами! Начинаешь и сам, напрактиковавшись, читать, чують – мысли и эмоции других людей!)

– Миерна. А тебя не смущает то, что мне тридцать два, а тебе – пять?

– Нет. И мне не пять, а через два месяца будет шесть!

– И ты считаешь что это – принципиальная разница?

– Ну... Нет, конечно. Но я готова ждать. И ты правильно увидел: я втюрилась, как это говорится, с первого взгляда! Через каких-то десять лет я же – вырасту! А браки с разницей в двадцать-тридцать лет – я тоже вижу! – не были чем-то таким уж исключительным и в твоём детстве!

– Знаешь, кто ты после этого?

– Разумеется. Образ этого огромного хрюкающего животного у тебя прямо перед глазами. Но вообще-то я ещё чую, что ты и сам... – что это в её тоне? Игривость?! – Влюблён?

Разве я, когда вырасту, – передо мной возник образ Миерны через десять лет. И я знал, что это – правда. Именно так она, коза сексапильная, и будет выглядеть!!! Похоже, теория чёртова Марвина сработала: Мисс Земля – по-другому и не назовёшь! – не буду для тебя по-прежнему: самой милой и желанной?!

Я сглотнул – в горле почему-то пересохло: словно туда насыпали талька. И мысленно послал всех к чёрту: будь что будет!

Я, наверное, извращенец и педофил. И ещё – идиот.

Называйте как хотите, но хотя я и продолжал высказывать ей свои, малоубедительные даже для меня самого, возражения (По большей части, как отлично понимал, несерьёзные и надуманные!) – а ноги уже несли меня к складам оружия и пищевых концентратов.

Нужно запастись от души.

На кону – жизнь Миерны. И моя.

Рольф

Вот так это и произошло.

Сегодня – восьмые сутки с того дня, когда мы выбрались из Бункера нашей Базы, и теперь можно смело сказать: нас не поймают!

Даже если бы и доставили снова собак, найти по следам, да ещё от души проперчённым, Охотника с маленькой девочкой на руках, не сможет ни одна собака. И ни один следопыт.

Поскольку я-то следов не оставляю. А девочка ещё и видит группы преследователей, и корректирует наш маршрут. А я – чую, и засекаю приборами беспилотники и вертушки. Теперь нам куда легче скрываться: после большой реки, через которую мы перебрались ночью на плоту из двух связанных брёвен, начались густые леса.

Пойдём мы, следуя карте и внутреннему «глобусу» Миерны, вдоль побережья Средиземного моря. Потому что напрямую, используя сохранившиеся в портах лодки и кораблики, конечно, было бы короче, но – и опасней! На воде бы мы были – словно мишень прямо перед глазами операторов беспилотников.

Миерна помогает мне охотиться, и высматривает опасных хищников. Днём спит, ночью – сторожит, охраняя мой сон.

Ладно, наш поход, хоть и совсем не подготовленный, пока проходит «штатно».

Можете называть меня монстром, предателем, похотливым старым козлом, моральным уродом, педофилом, полным кретином – делайте что хотите.

Но я-то знаю, что за эту крошку, что сейчас мирно сопит у меня на плече, и улыбается во сне, я отдам и жизнь... И себя самого – без остатка!

Потому что вот такое оно, это сволочное, и абсолютно не поддающееся контролю чувство...

Любовь.